

№ 1

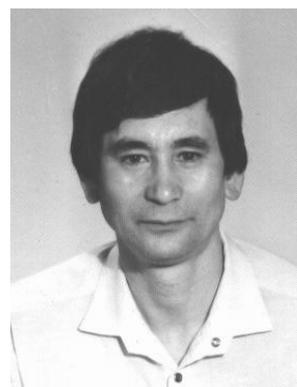
ЯНВАРЬ 2006 Г.

ТРОИЦК

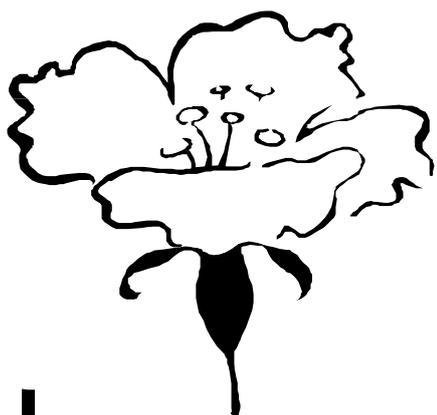
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Алексей Мильков

АМАЗОНКИ 28-го ВЕКА

(Научно-фантастическая повесть)

*Пусть
расцветают
все цветы!*

Этими словами из древней китайской философии город Троицк приветствует появление журнала

*“ ТРОИЦК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ”.*

Пусть он будет в ряду собратьев не менее красочным, больше литературным, вне политики и ближе к народу!

*С днём рождения!
И долгой жизни!*

НУЖЕН ЛИ ТРОИЦКУ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ?

Уважаемый читатель!

Основой общества всегда является система ценностей, на которых держится личность и государство. И в эти ценности входит литература. Верлен один из первых подметил эту тонкость, сказав: “Всё прочее – литература”.

Литература в Троицке на сегодняшний день – занятие многих сотен человек, как ее потребляющих – читателей, так и ее производящих – писателей. Вторых немного. Они сочиняют, ходят на литобъединения, организуют поэтические вечера. Только что лучшие из лучших не получают Троицкие “Ники” и “Оскары”.

Но есть еще одна завораживающая статистика, что каждый второй из нас сочинил или сочинял стихи, но уж афоризм в своей жизни выдавал точно. Что делать, как поступить с этим творческим пластом?

Троицк – город с большими литературными, но с еще большими историческими корнями, наукоград. Но литературные страсти больше кипят у нас под боком, начиная со второго километра. Вокруг нас масса писательских поселков типа Переделкино. Примеров достаточно. Юрий Нагибин безвыездно прожил в Красной Пахре, там и умер.

Троицкая литература молодая, потому что город молодой, но ее захватила судьба советской литературы последней четверти 20-го века, а сейчас – российской. Она развивалась достаточно благополучно, в рамках общего литературного процесса. Из-за молодости она не прошла этапы большого пути, как когда-

то наши предшественники заплатили высокую цену за свободу писать, когда в писателей стреляли и они стрелялись, когда рождались произведения, проникнутые пафосом интернационализма и в то же время преисполненные, чего скрывать, шовинизма, были откровенно лозунговые, производственные, идеологические, заказные. Никто уже в России не пишет о коварных империалистах и благородных коммунистах. Ушли во вчера певцы утопического завтра. Наметился подход к концептуализму, явно выпирающемуся в современной литературе. То есть при отрицании соцреализма писатели по существу сами по себе, не отдавая себе отчета, неожиданно для себя, стали еще большими реалистами и прагматиками, чем сам отец соцреализма Максим Горький. Пишут более откровенно, без оглядки, прямым способом, открытым текстом, ничего не микшируют (В.Сорокин и многие др.). То, что раньше не называли соцреализмом и за что преследовали, теперь можно смело назвать, заодно и воздать похвалу. Новому поколению не надо искусственно играть в литературу, как написаны многие книги в советское время. Положительно тут одно: меньше становится пуритан, ханжей и снобов.

Сегодня писатель не стоит перед выбором двух тираний – бюрократической и идеологической. Потому что появилась – рыночная. Сегодня не надо знать, как легко можно обвести вокруг пальца заорганизованные и неповоротливые Главлит и Госкомиздат. Но никто из

троицких писателей, честь им и хвала, никогда не перекавалифицируются в управдомы.

Тем не менее, как и вся российская, молодая троицкая литература не являет собой образец унылой серости, и ее ждет благополучие и новая генерация молодых талантов. Достижения будут, потому что они уже существуют – по произведению Нины Соротокиной поставлен фильм “Гардемарины, вперед!”, в больших центральных издательствах вышли книги Ирины Шлионской и Юрия Супруненко, есть очень сильные поэты Татьяна Вальчук, Эрнест Кемниц, Герман Гусев, Алексей Лапшев, Людмила Дикунова, Геннадий Соловьев, Владимир Елисеев и др.

Что такое журнал для писателя? Это глоток свежего воздуха в душном помещении. Это трибуна. Сергей Есенин писал в 1924 году: “Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов”. Это был его крик души.

“Не могу молчать”, — назвал Лев Толстой одну из своих статей. Нам, троицким писателям, тоже есть что сказать, что донести читателям.

Журнал “Троицк литературный” будет выходить с любой периодичностью по мере подготовки материалов. Он будет и тонкий и толстый, сдвоенный и

строенный, критический и исторический. Не суть принципиально. Главное, журнал должен собрать и сплотить вокруг себя творческие силы, сгруппировать все жанры, направления, стили.

Литературный процесс двигают не только гранды, но и поденщики халтуры. А как быть с теми, кого можно назвать “продавцами воздуха”, что само по себе уже интересно, как феномен? Откровенная халтура у нас не пройдет, потому что есть законы литературы и их надо блюсти, но в то же время в журнал не заказан путь “продавцам воздуха”, подобным графу Хвостову или лауреату Ленинской премии Л. Брежневу, которых история неоднозначно, но рассудила. Мы не имеем права им отказывать, иначе будущий Пушкин не будет тем самым Пушкиным.

Люди творили со словами чудеса. Это и в стихотворной форме, например: “Наверху летали птички, / Небо чиркая как спички”. (Антон Сурнин), в палиндромах (“А роза упала на лапу Азора”), в скороговорках (“Ехал Грека через реку...”) и еще многих других формах и элементах. Представим себе, что этих строк не существует и многого другого? Интеллектуальное наследие не должно пропадать втуне.

Такова концепция журнала “Троицк литературный”.

**Редактор первого номера
Алексей Мильков**

Алексей МИЛЬКОВ

***АМАЗОНКИ
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ВЕКА***
(научно-фантастическая повесть)

ЭПИГРАФ

...Произошел исторический фарс: сначала люди в процессе эволюции переродились в биороботов, потом – процесс этот был неудержим – биороботы снова превратились в людей.

(из “Всемирной Истории”)

И вот в городе Москве наступил день Большого Марафона, тот самый день грандиозных перемен и великих свершений, оптимистических надежд и страшных ожиданий, олицетворяющий собой добропорядочные нравы счастливого двадцать восьмого века.

Марафон доступен всем.

Как и остальные участники забега, Редодя Ванин пытался пораньше добраться к линии старта, однако маленькая ошибка при выборе правильного интеграла, в оценке требуемого для этого времени, стоила ему серь-

езных проблем. Тем не менее, эмблема участника была пропуском и помогла Редоде пробраться через плотные внешние ряды зевак и контролёров без особых затруднений, затем через цепи андроидов-полицейских, стоявших стеной и своими дубинками с электрошокерами извлекавших искры из металлических тел непослушных биороботов с колокольным звоном “бамс-дзынь”. Но чтобы пропихнуться сквозь сплошную толщу из множества тел следующего ряда, образовавшую внутреннюю монолитную массу, рассчитывать на эмблему или мускулы было

натуральное сумасшествие и просто бесполезное занятие. Редодя прикинул плотность толпы в промилле: все биороботы стояли один к одному – почти под завязку и никаких надежд. Страсти разгорелись до предела, и эмоциональный взрыв мог произойти в любую секунду, несмотря на то, что устроители состязаний из Репродукционного Центра опрыскивали толпу успокоительными транквилизаторами. Имей он в запасе время, Редодя, может, и сумел бы обойти этот живой щит, но до начала забега оставалось всего шесть минут.

Шесть минут!

Тогда он решил рискнуть и, работая локтями, стал протискиваться через, казалось, слившиеся воедино тела. На лице Редодя застыла оптимистическая улыбка, вещь абсолютно необходимая, когда имеешь дело со скоплением массы такой плотности, что выжимается плоть и трещит металл. Ярость и натиск возымели действие и вскоре Редодя смог разглядеть линию старта у высокого помоста для судей на площади. Остальные участники забега были уже там. “Ну, еще каких-нибудь двадцать метров, и я у цели”, – подумал Ванин, только бы эти стервозные женщины не поддались паническому настроению раньше времени и не начали хватать мужчин уже сейчас.

Все-таки ему еще предстояло протиснуться сквозь последний кордон толпы, целиком состоящий из исторгающих исполинский рев женщин с отвисшими челюстями и слюной на губах от выкрикиваемых пошлостей и бессмысленными взглядами – агглюцинирующих истериофилок, выражаясь языком социологов и монистов¹. Спрессованные как сардины в банке и действующие как единый простейший организм, эти женщины были способны на всё что угодно, лишь бы добиться желаемого, даже подавить в себе все положительные инстинкты. В напыщенных линиях лиц откровенно читалось, что для них любые средства хороши, только бы проявить слепое рвение и применить неукротимую ярость к любому мужчине, который пытался бы возомнить из себя отца будущего семейства.

Поначалу Редодя даже сомневался, а стоит ли игра свеч? Эта толпа была куда опасней, чем стадо бешеных буйволов или топчущих слонов из древних преданий, а составлявшие ее типы женщин уже смотрели жадными плотоядными глазами на него, раздувая резиновые ноздри, и злоеще постанывая от истомы.

Не оставляя себе времени на раздумья, Редодя бросился вперед. На него со всех сторон обрушились удары вроде бы маленьких, но увесистых женских кулаков, сопровождаемые ужасающим ревом разъяренной толпы, а бесформенные тела навалились и сжали так, что Ванин едва не задохнулся.

Но тут власти предусмотрительно включили государственный гимн страны “Биоробот – всему голова!”. Древняя мелодия, вот уже в продолжение многих веков лучше “Интернационала” умирившая самых неистовых, и на сей раз не подвела. Толпа вытянулась в струнку и замерла, гордо подняв головы, и Редоде сквозь зазоры удалось прошмыгнуть последние метры к линии старта.

Главный судья уже зачитывал Обращение. Хотя все участники и подавляющее большинство зрителей и так знали его почти наизусть, в продолжение многих сотен лет не раз выслушивая, но закон есть закон, и он, тем не менее, требовал его оглашения.

– Судари и сударыни, – продолжал обращение Главный судья. – Исправлять ошибки прошлого выпало на долю веку нынешнему – двадцать восьмому. В течение тысячелетий прирост населения шел медленными темпами, строилось много Репродукционных Центров, однако произошел резкий скачок и рождаемость бесконтрольно взлетела стремительно вверх, население планеты в короткий срок увеличилось вдвое, а потом удваивалось еще несколько раз. Кривая смертности неуклонно снижалась, продолжительность жизни все увеличивалась, и достигли беспрецедентной величины. Пришлось закрыть почти все РЦ, оставив несколько.

Золотая середина равновесия, существующая сегодня между смертностью и рождаемостью, выявление самых перспективных представителей из роботов, позволяет оптимистично смотреть в будущее. Большой Марафон – самая приемлемая форма выявления из них супер-уникальных экземпляров. Почему, например, не выбран вид соревнования триатлон: плавание, велосипед, бег? Да потому, что в этом случае будет иметь преимущество наиболее тренированный в этих видах. Борцу или скажем, боксеру делать там нечего. А мы должны создать равные возможности для всех, когда любой старик или даже инвалид вполне может рассчитывать на победу. Обоюдные возможности для всех, другое дело, кто и как ими воспользуется. Здесь всё играет на непредсказуемость и создает острые предпосылки каждому проявить себя с наилучшей стороны: это хорошее ориентирование на местности, интуиция, те же, не исключается, везение, мгновенный расчет на несколько многоходовок вперед, понимание психологии противника. И, самое главное, как в старину, борьба за существование. Забег представляет собой импровизированный театр военных действий с молниеносными перемещениями больших воинских подразделений и движением отдельных роботов, не связанных между собой ничем, кроме жажды борьбы.

Вы, наиболее честолюбивая и тщеславная часть нашего передового отряда сознательного общества, достигшая цветущего репродуктивного возраста и решившаяся самостоятельно на реализацию своих возможностей. Вы собрались, чтобы принять участие в забеге на приобретение Права. Какого Права – все знают.

Забег начинается здесь у регистрационной линии – на окраине города, а заканчивается финишем, расположенным на Красной площади, что составляет примерно двести пятьдесят километров. Всем участникам разрешается избирать любой маршрут, передвигаться по земле, под землей или над землей. Единственное условие – дойти до финиша лично, никакие замены не разрешаются. Победителем среди мужчин объявляется участник, пересекший финишную черту к контрольному времени, а победительницей среди женщин окажется та, которая выведет из соревнования наибольшее количество мужчин. Таковых может оказаться несколько с той и другой стороны, и тогда будет проведена жеребьевка при помощи лототрона.

В толпе воцарилось гробовое молчание.

– ...получат Право репродукции...

При этих словах толпа разом выдохнула, отчего пронесся маленький вихрь, и барометры отметили кратковременное повышение давления атмосферы, и от этих же слов толпа разомлела от истомы. Среди собравшихся никто Права в глаза не видел, а уж об обладании таковым и мечтать не приходилось. Подобное не могло привидеться даже в самых фантастических грезах. Хотя та-

¹ Монизм – учение, признающее основой всего существующего одно из начал: либо материю, либо дух.

кие забеги проводятся регулярно. Просто те счастливики, получившие Право, на этот раз не присутствовали здесь, не принимали участие, потому что отдали себя важному процессу воспроизводства с героическим для себя концом, как рыба семга, отметав икру, погибает.

– Далее отмечаю, – продолжал Главный судья, – правительство не несет никакой ответственности за возможные смертельные случаи во время состязания. Должен поставить всех в известность, что уровень смертности в подобных забегах прискорбно существует и составляет примерно 0, 000000007 процента, приходящийся на робот-фактор, хотя судьи на всякий случай изъяли у участников забега замысловатые орудия, похожие на колюще-режущего действия, транквилизаторы удушающего и нервно-паралитического порядка, всякие психотропные вещества в красочных обертках, для того, чтобы участники проявляли спортивное благородство по отношению друг к другу и не допускали поступки, связанные с членовредительством или покушением на жизнь.

Еще раз напоминаю участникам забега, что в нас заложены Законы роботизации, гласящие:

1. Робот не может причинить вред роботу или своим бездействием допустить, чтобы роботу был причинен вред.

2. Робот должен повиноваться командам робота, если эти команды не противоречат Первому Закону.

3. Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

А также, исходящий из всех остальных:

4. Робот роботу друг, товарищ и брат.

И последнее, любой претендент, желающий отказаться от состязания, может сделать это прямо сейчас, не опасаясь каких-либо преследований и последствий.

Главный судья секунду выжидал реакцию толпы, и за секунду Редоде Ванину захотелось отступить от своей самоубийственной затеи. Несомненно, что он, его названные сестры, братья, тётки, дядьки уж как-нибудь да проживут в своей уютной двухкомнатной квартирке жилого многоуровневого блока-общежития для семей среднего достатка. К тому же он не принадлежал к ряду мускулистых бравых репродуктивных молодых с увесистыми волосатыми кулаками, как его друг Акриф Бутульгейский. Редодя Ванин работал консультантом по мыслительным системам и считался весьма неплохим специалистом, имея преимущество своего молодого настойчивого возраста. Характером он обладал мягким, а телосложением по заключению специалистов – скорее репродуктивного среднего, чем репродуктивного высокого потенциала. К тому же Ванин страдал явно выраженной одышкой. Так какого черта он должен переться в неизвестность мрачного из мрачных городов-джунглей?

Редодя хоть и твердил себе аутотренинг, что ему всё нипочём, но поймал себя на мысли, что самоуверенность “зачем ещё улучшаться, что он и так представляет собой последнюю усовершенствованную модель” наполняла его. И он отогнал предательницу со всей решимостью настоящего мужчины.

– А сейчас почтим минутой молчания всех биороботов, положивших свои жизни на алтарь репродукции, – произнес Главный судья.

Все роботы замерли в едином порыве памяти предков.

– Лучше откажись, Редодя, – словно в ответ на его мысли прозвучал чей-то знакомый голос.

Ванин обернулся и увидел своего лучшего друга Акрифа Бутульгейского, по которому волнами перекачивались перекачанные мускулы. Вот кому не стыдно выходить на ринг, на ковёр, на помост, на татами.

– Я всё взвесил, ничего у тебя не выйдет, Редодя, детка, – заявил он. Странно было слышать от друга такое.

Редодя был возмущён: да как это Акриф смеет его запугивать и отсылать с Марафона, как мальчишку. Понятно, что ему не дадут победить. Но то, что это угроза будет исходить от друга, было выше всякого разумения.

Ещё единственное, что Редодю поддерживало в желании участвовать в Большом Марафоне, так это то, что он хотя и был мельче мужчин, но выглядел крупнее женщин, а это не последний побуждающий фактор.

– Ты всерьёз? – Он с любопытством смотрел на гиганта Акрифа.

Тот бросил злобный взгляд в сторону Редоди.

– Посмотрите на этого недотёпу! Спортивный костюм, и все его преимущества, все его качества бойца!

И тут Редодя понял – хоть лопни, но побеждай.

В другое время он с удовольствием проучил бы нахала, но сегодня слишком многое поставлено на карту.

– Возможно, – спокойно ответил Ванин. – Но у тебя-то, полагаю, все выйдет как нельзя лучше?

– Еще раз говорю, выходи из игры, крошка Редодя, – снова произнес тот скрипучим голосом. – Ты опоздал, не прошёл физико-технические формальности, поэтому неизвестно как оказался на старте. Я потребую, чтобы тебя дисквалифицировали, – куда тебе маломощному, на Марафоне слабаки не нужны.

Ванин покачал головой. Он не считал себя храбрецом, но и трусом тоже, скорее предпочел бы оказаться под прессом, чем пойти на попятную. Да и в любом случае он больше не сможет жить так, как жил раньше, иначе ему навяжут, как бездетному, очередную древнюю рассыпающуюся на части девицу-тетку на содержание. Смазывай потом её самым лучшим маслом и корми самой калорийной пищей! Вот так и живут вместе девственники с девственницами по тысяче и более лет. Даже с противошоковыми таблетками и прививками от скученности десять биороботов в одной комнате – это уж слишком! Он просто обязан выиграть Право.

– Тебе здесь делать нечего, сиди дома, пей чай и думай, как нарастить мышцы до следующего Марафона, вот что я посоветую, – еще раз напомнил Бутульгейский.

– Я продолжаю борьбу, – упрямо сказал Ванин.

– Ладно, сучонок, – нахмурил брови Акриф, и его лицо, ставшее вдруг жестоким и сардоническим, исказилось в гримасе. – Но помни, я тебя предупредил.

– Судари, на старт! – выкрикнул Главный судья.

Соперники умолкли и выстроились вдоль линии старта, сощурился глаза и крепко сжав зубы.

– Внимание!

Соперники выжидающе наклонились. С напряженными мускулами замерла не одна тысяча титановых ног.

– Марш!

Забег начался.

Вой суперзвуковых стартовых систем на время парализовал толпу, окружившую место старта. Соперники прорвались сквозь расступившиеся ряды и бросились бежать вперед, огибая вереницы застрявших в пробках авокапов. Затем они разбежались в разные стороны, при-

держиваясь, главным образом, восточного направления – к Москве-реке.

Лишь один Редодя Ванин не свернул на восток. Он нырнул в подземный люк и теперь бежал по бесконечному коридору со стенами из серого бетона глубоко под поверхностью. Резко возникающие в потемках редкие белые неоновые огни слепили глаза. От кого он убегал? Все тело содрогалось вслед еще не отшумевшим взрывам петард – ракеты рвались тогда каждую минуту в метрах над головой.

Он не знал, почему должен бежать, а не идти, как нормальные граждане, почему не мог даже замедлить бег, а ноги двигались сами собой, как шатуны паровой машины, из-под которых раздавленные крысы с писком бросались в разные стороны. Инстинкт продолжения рода? Он бежал, обезумевший, вытянув перед собой руки, словно в любую минуту мог разбиться о внезапно выросшую на пути преграду – жизнь представляла собой лихорадочную гонку, главным призом в которой было определенное достижение. Ради него стоило дорого продать свою жизнь.

В первую же минуту Редодя потерял мобильник. Его сканер сейчас бы весьма пригодился для отслеживания оперативной обстановки, да и звонок к другу явился бы подсказкой. Но может это даже и к лучшему, чтобы его не смогли запеленговать.

Подземный коридор тянулся неизвестно еще какое разветвленное количество километров по руслам подземных рек, заключенных в огромные бетонные трубы, и Редодя предвкушал победу. Но прежде, чем он успел об этом подумать, впереди откуда-то сверху, то ли снаружи послышались крики, топот, настоящий куриный переполох. С пронзительным визгом заработала сирена.

– Сюда! – услышал он голос, прерывающий течение его мыслей. – Тут на этом участке затаился один парниша. Не дайте ему ускользнуть!

– Остановите его немедленно! – сказал другой голос пренебрежительно, и в его женском начале звучало абсолютно неженское хладнокровие.

– Не беспокойтесь, командир! Сейчас этот малютка выдохнется и окажется на блюдечке с голубой каемочкой.

– Ты болванка, Вика! Панты несешь дешевые! Биороботу не дано быть слабым. Но сила силу гнет. Да вот он! Хватайте живее, слепые тетери!

– Вы в самом деле верите, что можно поймать биоробота в темноте?

– Двойка тебе! Сказала – они не крысы, они не выносят темноты.

– Жаль, что нет оружия, а то бы сразу же открыла огонь на поражение.

– Даю две минуты, чтобы выкурить его. – Приказ поступил в несколько возвышенном тоне.

– Разрешаете газовую атаку?

– Дура! Лучше слушайте, недотепы! Я сказала – достать из-под земли!

В голосах было слишком много самоуверенности, слишком много подозрительности, и, как ни странно, коварства!

Заслон!

Вперед пути не было. Редодя вовсе не хотелось попасть в пасть тигра, но инстинкт, призывающий к осторожности, был силен в нем, как никогда. Нечто, сидящее в самой глубине его сознания, изрекло предупреждение:

ты должен быть до конца последователен и упорен, ты должен перехитрить врага.

– Мальчики, ау, вы здесь? Ату, вас! Ваши штучки не пройдут. – Почти вплитык он увидел женщину с металлоискателем в руках.

Хоть бы внезапно погас свет и подземелье окутал мрак. Ясно одно – он попался. В этой светопляске огней сопротивляться было бесполезно.

Он нырнул в решетку подалее от женских голосов и стал спускаться во второй уровень вниз в глухую темень. Повяло смрадом, сыростью и ледящей душу мертвой тишиной. Всё равно он не оставлял шумовых следов, боясь привлечь внимание невидимого неприятеля. Глаза Редодя научились проникать мрак, но он не вполне рассчитывал на это, поэтому нацепил инфракрасные очки. Они немного помогали в темноте, а в основном он шел на ощупь, подумав, что в этом лабиринте ничего не стоит заблудиться.

– Если что, бейте прямо между ног! – иступленно доносились всё слабеющие вопли женщин.

Пройдя на ощупь тридцать километров, Редодя услышал новые голоса.

– Изначально, они все ползут сюда – в подземелья, думают, что они самые умные и крутые, а мы круглые кретинки. – Женский контральто рассыпался смехом. Он был наглым, но зазвенел как эхо бесконечной чередой отзвуков по гулким коридорам, едва отличимых друг от друга, из которых в ответ в переливах донеслись другие женские крики: требовательные, насмешливые и мерзкие. Но к Редоде настойчиво возвращался лишь один, тот самый первый, самый разборчивый, самый понятный.

– Мне подобные мужчины по душе, – заструился уже мягкостью голос. – Люблю парней с характером. В наше время мужики, тьфу, перевелись.

– Стали похожи на баб...

– Не выступайте! – Ответ им был категоричен. – Такие, как вы, вечно не принимают насморк за серьезную болезнь. Ваши недооценки нам боком выйдут.

Редодя почувствовал, как страшные руки обвили его запястья. Он приготовился к худшему, но ощущение пропало. Это руки также внезапно отлипли – обычное прикосновение холодного железа, выступающего из стен.

Обознался в темноте.

Он дрожал от возбуждения, и перехватило дыхание. Он метнулся от голосов прочь по галерее. Ход за ходом, галерея за галереей, уровень за уровнем – Редодя уже изнемогал. Какая-то дверь скрипнула перед ним от его толчка лбом. Редодя чуть не вскрикнул от боли и тут же опрокинул стул. Дверь сама захлопнулась на пружине, и он испугался, как бы шум не распространился по подземному пространству.

Он остановился, с трудом переводя дыхание, и прислушался. Но различил только плеск воды где-то еще ниже. Он ощупью наткнулся на выключатель и зажег свет. Комнатка была явно прибежищем интеллигентных бомжей. На столе лежали журналы и газета с остатками селедки, луковичной шелухи и засохших краях хлеба с солью. На стене висело зеркало, в углу стоял маленький телевизор. Значит, здесь место отдыха диггеров, охотников на крыс и составляющих схемы подземных лабиринтов. Редодя включил экран, сделал звук еле слышимым. Оглядев себя в куске зеркала, Редодя убедился, что черная ветровка с бесчисленными молниями по-прежнему придавала ему героический вид и спортивный антураж.

Но пришел к неутешительному выводу, что подземелье сказало отрицательно на его внешнем виде и он выглядит небезупречно. Резким движением он смахнул паутину с себя и достал косметичку – мазок-другой тушью для ресниц и губной помадой придал его облику восстановительную остроту. Тем более, никуда не денешься, когда нужно будет выбираться на поверхность.

Все телевизионные программы заполнили передачи с Большого Марафона. Камеры скользили по улицам города, выискивая интересные моменты.

“Большой Марафон, – комментировал пожилой телеведущий с курчавой головой, – тот самый день великих надежд и грандиозных свершений, олицетворяющий собой нравы счастливого двадцать восьмого века, его второй половины. Называется Большим, потому что правила забега определяют победителей сначала на региональном уровне, следом – на федеральном, на мировом, а далее между ними будет разыграна лотерея...”

Редоде не надо было рассказывать, что победителю предстоит преодолеть массу барьеров на местности и, главное, кордоны из кровожадных женщин, а финишировать на Красной площади. Введение в историю Больших Марафонов Редодю тоже не интересовало, и он переключился на другую программу.

“Романтика дает эстетическое наслаждение удовольствию, и сперматозоид, как слаломист, целеустремленно пробивается в маточном пространстве через препятствия и врагов к одной единственной цели – оплодотворить желанную яйцеклетку. Многие сперматозоиды не дойдут до цели: одних покинут силы, других в большинстве своём настигнет смерть. Но их смелость и решительность оставят память в неравнодушных сердцах биороботов...”

Не успел ведущий сказать такое сравнение из древней книги, которую держал в руке, как в студию ворвались военные андройды и скрутили не в меру ретивого болтуна. На экране от изображения остался только номер программы.

Новое переключение показало вход во дворец, возле которого гарцевали женщины на настоящих лошадях. Редодю ещё удивился, откуда такое их количество в двадцать восьмом веке? Ещё преобладали велосипеды, мотоциклы, с люльками тоже.

Рыжая девушка с конским хвостом в волосах, в длинных до мест, где начинаются ноги, сапогах со шнуровкой, одетая в черный корсет, величественно восседала на огромном огненном коне. Она подъехала и осадилась жеребца точно перед главным входом. Он поднял её на дыбы и заржал на всю округу. Всадница легко спешилась, потрепала коня по холке, в её походке чувствовались обманчивая медлительность и изящество. В другое время до Марафона она не показала бы вульгарной, но сейчас для Редодю все женщины были одного типа – неприятного для восприятия и омерзительного для понимания. Она накинула поводья на скульптуру льва и направилась к ступеням, в шаг от них остановилась и стала уверенно позировать перед корреспондентами, подставляя под объективы разные части лица.

– Гзинтра, мы с тобой! – раздалось в её сторону, и она оказалась в окружении точно таких же девушек.

А уже новая картинка открыла многочисленные коридоры, полные женщин, большинство из них похожих на древних воительниц, облаченных в корсеты, местами металлическим блеском и кожаными выпуклостями напоминающих гладиаторские доспехи, у многих на руках

по локоть были крабы с когтями. Затем представился просторный зал, и Редодю по большому скоплению людей понял, что это летучий оперативный штаб, напоминающий Смольный времен революции.

Корреспондент, то ли телеведущий беседовал с группой девушек.

– Не покидает беспокойство, что биороботы в зависимости от обстоятельств по отношению к другому полу любят заниматься приписками или недописками, то есть, то преувеличивать, то преуменьшать. Иногда это идет в разрез с совестью. Это относится к категории женщин, в обычной жизни больше преуменьшающих значение мужчин, а также мужчин, которые, наоборот, любят себя преувеличивать и не любят преуменьшать в глазах женщин. Тем не менее, исходя из равновесия природы, мужчина должен уметь преувеличивать, а женщина преуменьшать. Это аксиома. Поэтому, скажите точно, сколько к этому часу выведено из соревнования мужчин? – Он поднес микрофон высокой миловидной девушке с чистым лбом. Спортивный костюм и высокие кроссовки подчеркивали прямую осанку.

– Активность женщин превзошла все ожидания, – сказала она. – Первые часы оказались самыми продуктивными. Если суммировать поступающие сводки из всех районов Москвы, то не меньше трех миллионов и сорока восьми тысяч.

– Ваше имя?

– Малва Гурина.

– На этом Марафоне вы выбрали имидж амазонок?

– Корреспондент удивлялся тому, как ответственность восстанавливает женщин в лучшую сторону, и с неопишуемым интересом всматривался в правильные мужественные черты лица и разглядывал многочисленные заклёпки.

– За всю историю Марафонов было испробовано всё, вплоть до перевоплощения в снегурочек. Не всегда мягкотелость и ласки, увещевания и зывание к благодарности помогали, как оказалось, мужчины понимают только грубую силу, а на добро они откликаются злом. – Слова девушки подтверждали её убежденность, а толстая короткая косичка из блестящих чёрных волос делала её похожей на пиратку.

Корреспондент продолжал задавать игривые вопросы и переходить от одной девушки к другой.

– Ого, прогнозы численности выведенных из игры участников опрокидывают всякую очевидность. Реальность такова, как бы Большой Марафон не закончился досрочно. Это будет в ущерб интересам многочисленных зрителей.

– Мы сделаем все, чтобы истинные ценители остались довольны, а возможности мужчин реализовать свои благоглупости свести к нулю.

– Я подозреваю, что у женщин несколько устаревшие взгляды на роль и положение в обществе мужчин.

Рыжая с конским хвостом сама потянулась к микрофону.

– Славы им захотелось дешёвой! – Она перешла почти на крик. – Они не достойны носить высокое звание биоробота!

– В чем заключается ваше моральное право преследовать их?

– Есть старинная песня, доставшаяся нам от далеких предков: “А я люблю военных, большущих, здоровенных, люблю еще крутых и всяких деловых”.

– Научите нас, непросвещённых, как и каким образом можно подобных любить?

– Шучу, – призналась она.

– Ваше имя?

– Гзинтра Подбельская.

– Какой тип мужчин навевает на вас оптимистический, можно сказать, лирический лад. Какой тип вы предпочитаете? Высоких, худощавых, обладающих юмором, блондинов, брюнетов?

Рыжая в тон отвечала хорошо поставленным голосом.

– Лучшие мужчины – это технологически перспективные и плохо продвинутое в промышленность экземпляры.

– Почему вы нелестно о них отзываемся? Насколько я знаю, мы все одинаково генетические в равной степени конструкции.

– Бог создал биороботов, но ошибся в выборе мужского начала, – поставила корреспондента на место Малва Гурина.

А другая амазонка добавила:

– Так надо, чтобы женщинам не пресмыкаться перед мужским авторитетом и не быть в тени их силы и влияния.

– Ваша позиция по отношению к мужчинам не изменилась? Они не потеряли свою актуальность?

– Эти мужчины всего лишь звено в эволюции Земли. Но, как всякие еще не утраченные звенья, они склонны заполняться новыми живительными связями, благодаря только нам женщинам.

– И Большому Марафону! – раздалось дополнение из толпы.

– Это хорошо?

– Возможно, им и хорошо, но нам от этого ни тепло, ни холодно.

– При большой плотности населения такое высказывание вписывается в программу правительства о народонаселении?

Рыжая сама нахально лезла к микрофону.

– Если по сдерживанию мужчин – то да.

– Разве вы не верите в предназначение мужчин?

– Боюсь, что, верю, со знаком минус.

– Естественно. Я подозреваю, что для вас слово “мужчина” имеет несколько иной оттенок звучания и даже значения. Какой?

– На период Большого Марафона? – переспросила она.

– А что, в другое время оно иное?

– Сегодня с неприятным удручающим привкусом на губах. Так нам легче настроиться на победу, имея перед собой омерзительный образ врага. А впрочем, мы ничего не имеем против них, как сферы нашего влияния и интересов, как объекта для атаки.

Корреспондент захихикал:

– Вы много придаете значения своим женским ночным фантазиям, их реализации, так сказать, развиваете ночные кошмары до абсурда. Вы, как фурии, страшны в своем неистовстве исполнения задуманного. Охотницы за эксгумированными мужчинами не слишком располагают к себе в глазах общественного мнения. Почему бы это?

– Прошу прощения. Это не про нас сказано.

– Очень сожалею, что задал такой бестактный и нескромный вопрос.

– Не преувеличивайте, в принципе он корректный.

– Вы думаете?

– Опасность непонимания – ничто по сравнению с опасностью недооценки.

Телеведущий заглянул в лист бумаги.

– Итак, подведем итоги первого дня. На вашем положительном личном счете уже по семь участников забега. Понятно, их участь незавидна и предрешена, но, может, вы свои карты раскроете ближе?

– Обижаете. Если точнее, то наша группа за текущие сутки вывела из игры сто двадцать три участника в среднем на каждую, – первая ответила Малва Гурина.

– Ого, большая работа!

– А наша группа, навскидку, – по сто тридцать восемь, – похвасталась Гзинтра Подбельская.

– Но что-то не видно погребальных костров?

– Потому что существуют выгребные ямы!

У ведущего по кадыку прошла брезгливая волна и его чуть не стошнило.

Редодя оскорбился от этих кощунственных слов, существо его закипело, и он сжал кулаки.

Тем не менее, телеведущий сделал невозмутимый вид, что даже не повел ни одним глазом.

– Наверное, у тех, кто туда не вошли, растерзанные тела валяются сейчас по дворам, мусорным ящикам и птицы выклевают им глаза?

– Вы всё шутите. Мы даем простор своей фантазии, но не до такой же степени. Мы не маньячки, а борцы за правое дело.

– А если я вас назову – правозащитниками, вы не обидитесь?

– Нисколько! Одно скажу доподлинно, что они расстались со своей мужской возможностью активно вмешиваться в дальнейший репродукционный процесс.

– Сиюминутная победа в Марафоне замечательная вещь, но фантазии не должны заслонить вам действительность.

– Не волнуйтесь, у нас на мужчин иммунитет.

– Значит, последние надежды вы им перечеркнули полностью?

– Начисто! Они не актуальны на сегодня, они не просто неудачники, они трупы, они изначально были трупы. Это уж точно.

– Вы поступили с ними, как подсказывала вам женская интуиция?

– Обижаете, скорее логика. Их иллюзии на победу с каждым часом испаряются как дым.

– Они уже в другом мире?

– Да, отключены, земные страсти их волнуют постольку поскольку.

– А что у вас в руках?

– Металлоискатель.

– Вы думаете, он разрешит ваши проблемы?

– Мужчин выдают титановые части. Незаменимая штука в поисковых методах и разделении типов по агрессивности, и мы когда-нибудь поставим ему памятник.

– А почему бы вам не перейти на современные металлодетекторы?

– Они эффективнее, но как холодное оружие нас не устраивают.

– А это что? – спросил ведущий. – Насколько знаю, крабы с кошками запрещены.

– Они для устрашения, – ответила Малва. – Иногда парализуют жертву одним только грозным видом.

– И мужчин тоже?

– Среди них трусливых зайцев девяносто девять процентов, а крови боятся все сто.

– Вы крабам тоже поставите памятник?

– А что, крабы рядом с металлоискателем? Неплохая мысль, – сказала Гзинтра.

В эту минуту рыжая была похожа на гладиаторшу. Редодя нутром почувствовал, что это его будущая могольщица, и уж точно спуску ему не даст.

Телеведущий взял другой лист бумаги.

– Среди вас большие потери?

– Не все женщины выдерживают испытание принципиальной линией жесткости по отношению к мужчинам.

– Их можно без большой натяжки назвать джентльменками?

– Скорее пораженками или лучше контрой. Контра – она и есть контра, и её надо выжигать калёным железом.

– А как вам нравится участник под номером 200857, который ушел от вас из-под самого носа?

– Не пойман – не вор, как говорится в пословице. Красивый, умный бедолага, пока неуловимый. – Гзинтра в экран небрежно помахала ему рукой. – Номер 200857, мои личные к тебе симпатии. Откликнись, если ты меня видишь, предупреждаю, часы твои сочтены, лучше не попадайся нам в руки.

– Ваши стратегические ошибки? Почему, когда он был почти в ваших руках, вы упустили его?

– Мы не думали, что мужчины настолько умны, чтобы пойти на глупые поступки.

– Не в шутку будет сказано, вы жаждете много крови?

– Да, пока не закончится Марафон.

– Вот вы покушаетесь на сущность мужчин. Их ряды редеют, и они от этого страдают...

– А мы больше их терпим, и пусть они не рассчитывают на легкую жизнь и наше снисхождение, – объявила она волнующим стаккато.

– Откуда такая желчь?

– Пусть будут с нами вежливой и учтивой.

– Мне кажется, вы зря их черните.

– Вот вы, мужчина как мужчина, знаете свое место, не претендуете на большее, а эти похожие на сытых довольных котлов ждут, когда им кошку поднесут для полного удовлетворения. Пусть благодарят Бога, что некоторым удалось дешево отделаться.

– Легко и безболезненно?

– И раньше времени тоже.

– Скажите, если бы дело дошло до уничтожения мужской сущности, вы бы были по чью сторону баррикад: по ту или по эту?

Рыжая Гзинтра Подбельская глубоко задумалась, вопрос был для нее занимательным.

Подошла другая девушка с отведенными назад надменными плечами и тихо на ухо сказала Малве Гуриной:

– Время не ждет. Сложная оперативная обстановка и новые неутешительные сводки требуют продолжать пикетирование улиц.

– Ну ладно, нам пора, нельзя давать им продыху. Ночь обещает быть такой же насыщенной и беспокойной, как день, – стала прощаться Малва.

– Вы занятые женщины. Не будем отвлекать вас от вашей праведной борьбы против мужчин, и желаем успеха. При следующих включениях мы попробуем пока-

зать душераздирающие репортажи с марафонских полей, как поступают женщины со своими жертвами.

Редоде пришла мысль, что женщин неплохо бы показать психиатрам. Что-то стало у них много критических дней. Мозги у них набекрень – это уж точно, а инстинкт продолжения рода окончательно сослужил им плохую службу. Он внимательно посмотрел на дверь. Пожалуй, подумал он, можно остаться здесь и переждать, пока закончится соревнование, но тот же инстинкт продолжения рода поднял его и подтолкнул к ней.

– Мужчины, не советуем прятаться...

Голос, похожий на неприятный скрежет металла по стеклу, резанул по ушам, прозвучав вызывающе и пронзительно, как только он увидел полоску дневного света вверху. Мегафон был явно не настроен на нормальное ухо.

Редодя резко остановился.

Пару минут он простоял неподвижно, ожидая, не повторятся ли только что произнесенные слова снова. Но вокруг царил безмолвие. Кроме того, у него возникло неприятное ощущение, будто за ним наблюдают. Он решил продолжить путь. Но стоило ему начать двигаться вдоль по туннелю, как вдогонку, словно за ним следили, опять зазвучал тот же самый голос:

– Мужчины, амнистии не будет, но можете рассчитывать на нашу терпимость и снисходительность, что ни один волос с вас не упадет без нашего на то ведома!

Подавленный было страх теперь снова всплыл на поверхность тела повышенным потоотделением, когда туннель разнес очередной далекий бесстрастный голос из мегафона – грубый и достаточно отчетливый.

– Мужчины, добровольно возвращайтесь все по своим квартирам, по родственникам, хватит пустого кровопролития, мы предлагаем воспользоваться правами военнопленных, а это значит, что можете рассчитывать на нашу гуманность победителей над побежденными! – Истерический хохот поплыл по всем отводам подземелья.

– Ещё чего! – громко вырвалось у Редоди. Он думал, что его возглас затеряется на фоне хохота.

Но эхо предательски разнесло его по лабиринту, и наверняка привлекло к Редоде дополнительное внимание, а вот в повышенном внимании он сейчас как раз нуждался меньше всего.

– Мужчинки, выходите строиться по одному...

Пронесло! По этой спокойной фразе он понял, что его голос не был услышан.

На тот голос наслоились другие, зазвучавшие с командной интонацией, больше с ехидством, рассчитанные на психическую атаку. По приближению звуков Редодя понял, что несколько десятков стражей пустились в отлаженную ими тысячи раз погоню, которая должна была увенчаться обезвреживанием сотен тысяч амбиционных для них врагов. Некоторые голоса уже раздавались в опасной близости от того места, где прятался Редодя, отчаянно пытавшегося восстановить хладнокровие перед встречей с противником лицом к лицу.

Это отовсюду разрастающееся, гнетущее присутствие женщин даже в сточных канавах подземелий выдавило его на поверхность.

Редодя вылез наружу и оказался под защитой гигантских деревьев. Такие растут только на кладбище. Он нырнул в первый попавшийся склеп. Прежде чем женщины прочухают, что он здесь забился как таракан,

пройдет не меньше получаса. Он в этом не сомневался, он видел далеко. В его распоряжении эти полчаса были достаточным временем, чтобы осмотреться, отдышаться, сориентироваться и принять дальнейшие планы. Вариантов было громадье. Пока его спасали многочисленность одиночных и семейных склепов и суеверный страх женщин перед духами. Но отсиживаться – это то же поражение, да и было там сыро и забко.

Только движение вперед.

– Эй ты, рыцарь без страха и упрека! – раздался со смешком предупредительный голос. – Лучше к нам в руки попасться, чем загнуться от психотуберкулеза в гнилом, смрадном воздухе тёмного склепа.

Редодя прислушивался к разговорам. Тем более что говорили о нем.

– ...рано или поздно поймаем. Хитрющий очень. Говорят, сквозь игольное ушко без масла проскакивает. А сам-то импотент недорезанный!

Редодю задела оскорбляющая интонация старинных слов, и он сам машинально не сдержался, подал информацию, вычитанную из древних книг:

– У самих вильвовагинит, хламидиоз и хронический пиелонефрит!

Он уже корил себя за невыдержанность. Но что поделаешь, если он такой прямолинейный и скорый на язык...

Утробный голос из-под земли произвёл впечатление разорвавшейся бомбы и внушил суеверный страх, а таящийся в нём непонятный смысл поселил ещё и ужас на женщин, потому что они на время притихли, но неожиданно они окружили склеп со всех сторон – Редодя почувствовал: спереди, сзади и сверху. Он высунул голову, и солнце ударило прямо в лицо, и он на мгновение зажмурился. Ну, хоть какое-нибудь скрытное местечко, где можно обезопасить себя и взять направление...

Итак, нужно срочно эвакуироваться.

Куда? На улицу? Слишком рискованно.

Парк!

Он проскользнул мимо женщин через кусты словно призрак, но всё равно его тень заметили, и была организована погоня. Редодя повалил на них дерево и пока они выясняли, отчего оно упало, быстро перемахнул блестящий кованный забор, оставив преследовательниц с носом, и толстые старые стволы деревьев защитили его своими спинами.

Смех тех женщин еще стоял у него в ушах, как появился новый.

– Придется помочь ему выбраться к нам в объятия! – пошутила женщина в красном платье, и ее громкий голос волной ударил Редоде в спину.

От резкого спурта он зацепился, потерял равновесие и упал на землю.словно удар электрического тока. На мгновение он утратил способность видеть и слышать, в отличие от всех остальных способностей. Сердце билось, словно ухало, и его громкое эхо отдавалось в ушах. Мир от боли в титановой коленной чашечке опрокинулся вверх тормашками. Редодя лежал, тяжело дыша, собирая остатки сил для того, чтобы с удивлением обнаружить рану на ноге и мелкую струйку кровяного раствора.

“Вот те на... Как некстати”. Редодя снял очки и поднялся на ноги – и охнул. Нога не слушалась.

Что-то мешало двигаться.

Боль не отступала. Она достигла живота, вцепилась в голову. Неужели в нем присутствовало нечто, усиливающее боль? Он истекал кровью, потом скрипел зуба-

ми. От потери крови становилось не легче, а, наоборот, ему казалось, что тело с каждым мгновением тяжелеет и вжимается в землю. В любом случае нельзя оставаться под открытым небом. Последний гаснущий свет солнца пробился сквозь листву. Наметились звезды почти над самой головой. Через три часа наступит глубокая ночь.

И впал в кому.

Сознание его озарилось светом, что он карабкается по неведомой лестнице и на последней ступеньке – вот он финиш! – скатывается вниз, разбиваясь о камни. И так, как сизифов труд, несколько раз. На этот раз он застонал и услышал тысячекратное эхо своего стога. И от этого испугался и очнулся окончательно.

Редодя, волоча за собой ногу, на мгновение очутился в детском теремке – он прятался от летней грозы. Боль была одновременно и физической, и психической, – он просто-напросто не мог двигаться, когда надо торопиться; когда ещё не исполнил своего предназначения, когда жизнь требовала от него результата.

Затем снова потерял сознание.

На краткий миг Редоде показалось, будто его затягивает в глубокий омут, где царит крошечная тьма, и он безропотно и беспомощно падает в бездну, а свет у него над головой становится все слабее и слабее. Тьма окружала его со всех сторон. Растопырив несуществующее количество пальцев, он пытался ухватиться за что-нибудь, зацепиться ногтями, чтобы остановить падение...

– Вставай, номер 8724916! – кто-то тормозил его больно.

– Ноги не идут, – глухо отозвался он.

– Номер 8724916, решай, или мы пойдем сейчас же, или я брошу тебя на растерзание женщин.

Он почувствовал, как его тащат по мокрой траве, иногда его безвольное тело с железным звоном консервной банки стучалось о бордюры. Он не знал, сколько времени валялся без сознания. Сначала его удивило, что ночь уже довольно светла, а с ним обошлись бесцеремонно. Он лежал на спине, чувствуя каждой клеточкой холодную почву. Он повел глазами по сторонам и увидел дрожащую луну. Вернее, громадную. Она источала бледно-зеленый свет.

Боль жгла в ноге и отдавалась в бедро. Сначала Редодя понял, что он жив. Какая-никакая, но маленькая победа над собой. Было спокойно и пришло тепло. Просто так тепло не приходит, у него должен быть источник. Не хотелось шевелиться, какие-то непонятные, но тихие, размеренные звуки стали долетать до него. Затем он почувствовал запах – пахло хвойной ванной и... сегодня это было невыносимо и нестерпимо...

Женским телом!!

Открыл глаза – и ничего не понял. Его касалось что-то гибкое и хрупкое, блестящее и нежное. Когда он скосил глаза вверх в очередной раз, то уже увидел голубое небо, а ласковейшее солнце заливало все вокруг, и... девушку, преклоненную над ним на коленях так низко, что ее волосы почти спадали на его щеки. Она внимательно вглядывалась в его лицо.

– Эй, ты жив? – От этих слов он еще больше протрезвел.

Да, над ним склонилась совсем юная девушка – теплая и теперь источающая приятный и странный аромат, и на него с удивлением взирали два огромных глаза, а яркие губы раскрылись.

Она деловито стала прочищать рану, затем отыскала в кармане коагулянт, быстро сворачивающий кровеносный раствор. От жжения коагулянта боль стала только сильнее.

– Это лучше, чем провалиться в беспамятстве несколько лишних часов, – сказала девушка.

Редодя ощутил в душе мгновенный ужас – нашли, нейтрализовали!

– Ты пришел в себя, номер 8724916? Я тебя идентифицировала, ты Эр. Ванин, от меня не отмахнешься. Но что за “Эр”, расшифруй.

Он испугался и зажмурился, услышав женскую речь. Она тоже испугалась.

– Ты серьёзно ранен?

Девушка по-прежнему склонялась над ним и хлопотала, перематывая матерчатой полоской ногу: ее спортивная куртка была подвязана на талии и изредка слегка выглядывающая грудь над корсетом белела рядом с его лицом. Ему казалось, что ее половинки при резких движениях вызывающе стучали друг о друга с металлическим звоном.

Редодя не испытывал никакой радости от этой неожиданной встречи. Фигура девушки, возникшая в его сознании из полутьмы и теперь в полном масштабе пересекающая его взгляд, вызывала в нём только чувство лёгкого раздражения и досады.

Он тихонько вздохнул. Его чувства еще превозмогали болевой шок, а его вооруженный самосохранением рассудок остановился на запредельном уровне. “Ведь это мой последний час, – подумал он. – Смертоубийственный час, который, к сожалению, перевернёт мою жизнь”.

Ничего хорошего не было в том, что сознание вернулось и его приход где-то даже застал Редодю врасплох. Ах да, как не вспомнить: не с того самого момента, как он рванул со старта Большого Марафона, а когда получил травму.

“Пусть чудовищной ценой покупается жизнь. Большой Марафон – дело первостепенной важности, – ещё подумал Редодя, всё больше приобретая ясность в мыслях. – Биороботы не должны без неотвратимого и непредсказуемого случая завершить свою миссию на Земле. В противном случае их биораса исчезнет навсегда, а Земля вернётся к одному из своих прежних состояний первобытного хаоса...”

Голос незнакомки прозвучал, казалось, издалека, хотя... Вот теперь Редодя прекрасно осознавал, что враг рядом и злорадствует не по делу.

– Приятное утро, – заметила девушка.

Редодя хмыкнул:

– Какое уж там приятное...

– Мило в зарослях сирени лежать при таинственном мерцании светлячков.

– Да уж. Ничего приятного.

– Лучшее время суток, – проговорила она.

– Ещё звёзды на горизонте, – проворчал он.

– Где? – спросила она.

Он посмотрел и не увидел их.

В ожидании чего-то каждый молчал.

Редодя подумал о девушке и ругнул себя за эту мысль, ибо взял за правило в этот ранний час не думать о плохом, вообще не думать ни о чём, или, хотя бы, стремиться к этому по мере возможностей.

Она провела пальцами по его губам, и пальцы эти были прохладными.

– А вообще-то, как тебя зовут, номер 8724916? –

Голос был таким тихим и мягким, словно исходил из горла, покрытого пушистым мехом.

Редодя грубо ответил:

– Ты удивишься, если узнаешь, что меня зовут “Не вообще-то, а конкретно”.

Девушка пропустила дерзость мимо ушей и стала массировать больную ногу, и Редодя подобрел:

– А тебя как звать?

– Малва.

– Я узнал тебя, Малва. Ты давала интервью.

– Молчи, не трать силы зря, кругом недремлющее око женщин.

Неужели ослышался? Редодя тряхнул головой. Что-то тут было не так, он с подозрением смотрел на нее – такие девушки с квазиротическим типом лица всегда способны на любую подлость! Смакует удовольствие, чтобы сдать его в преисподнюю в лучшем виде. Амазонка не могла быть сусальной реальностью и не позвать своих глумливых дружинниц. Однако не хотела исчезать, свет первого солнца стекал по ее полуобнаженным плечам и груди на откинутую куртку. Она выпрямилась, и он увидел ее в полный рост. Такие по натуре ближе к садисткам, чем к мазохисткам, а ему хотелось наоборот. Ему стало жарко, внезапно охватило острое желание есть. Она почувствовала это и вынула из кармана гамбургер.

– Желудок – самое слабое место у биороботов. В то время как наши головы забиты усовершенствованными нейронными чипами, он остался почти без изменений.

Редодя помнил об этом при каждом вдохе, набирая воздух в легкие, которые были не вполне биологичными, помнил, принимая каждую порцию пищи, которую переваривал его не вполне биожелудок.

– Спасибо.

– Хот-дог тебе не обещаю.

– Мне и гамбургера достаточно.

– Все же, кто ты, номер 8724916?

Редодя вздрогнул, силы потихоньку возвращались к нему. Он пошевелил руками и ногами, прислушался к себе, но ничего тревожного не обнаружил, если не считать некоторой скованности в сочленениях, как если бы после тяжелой изматывающей физической работы или контузии.

– Номер 8724916, – продолжала Малва, – это не сон. Скажи, кто ты, и постарайся хоть немного двигаться сам. Иначе проиграешь Марафон.

– Не проиграю, – глухо ответил он.

– Ты хочешь быть предан забвению?

– Не хочу.

– Тогда, Эр, вперёд к цели, без твоей помощи я не смогу дотащить тебя до безопасного места.

– Редодя, – кивнул он, хотя по-прежнему не верил собственным глазам.

– Распространенное имя. Подними руку.

Он поднял руку.

– Теперь попытайся сесть.

Он сел.

– Прекрасно. Теперь цепляйся за меня. Выход из сада рядом.

“Эта проклятая девица! Играет с ним как кошка с мышкой! Придумала мнимую помощь, чтобы избавиться от него без хлопот”.

Редодя посмотрел на девушку вблизи. Сначала он думал, что ей около двухсот пятидесяти лет, но потом

уменьшил оценку до двухсот тридцати пяти. Самый продуктивный половозрелый возраст. Ширококостная, стройная, с большими темными глазами на худощавом лице.

– Почему ты мне помогаешь?

– А зачем тебе знать?

– Чтобы понять вашу психику. У вас у женщин совсем крыша поехала, инстинкт продолжения рода заколотил вам мозги и сделал вас безумными. Еще вчера до Марафона мужчины и женщины были друзьями, готовыми говорить друг другу приятные слова, дарить цветы, совершать взаимные уступки. Еще вчера мы ходили по одним улицам, дышали одним воздухом. Такие вот были надёжные времена. Теперь женщины ведут себя как во время чумной эпидемии, выискивая больных, чтобы их предать огню.

– Я – тоже такая?

– Возможно, мы сидели за соседними столиками, плавали в одном бассейне, одну и ту же картину рассматривали в музее, а теперь...

– ...ничем не лучше... Это ты зря, если бы я не увидела твою ногу, я бы поступила с тобой, как со всеми. Ты ранен, беспомощен, терпишь бедствие, и тебе надо оказать первую помощь. Закон роботизации Сто Сорок Пять. Я хорошая исполнительница законов. И еще, не могу на этот фарс спокойно смотреть. Почему бы не бороться с изнашиванием органов по-другому, почему бы не распределить репродукционное право всем по справедливости?

Малва была высокая и с высоты своего роста протягивала руку.

– Не получится. Это то же самое, если богатство разделить всем поровну. Будут все нищие, – ответил он.

Он спросил себя, о каком саде может идти речь? Но подчинился чужой воле, встал, опираясь на плечо очень крепкой по отношению к его весу девушки. Сделал шаг и понял, что чувствует себя лучше, чем ему казалось.

– Ты в состоянии говорить? Отлично. Держись за меня. И постарайся не стонать. Дружинницы не спят, бродят поблизости.

Сотрясаемый слабостью и учащённым пульсом, выпрямиться под грузом своего тела оказалось выше его сил.

– Тебе не хватает адреналина для большей уверенности.

Малва вынула из кармана горсть ампул с хорошо различимыми надписями, быстро перебрала их и выбрала одну, потом еще одну.

– Тестостерон тоже не помешает.

Ампулы хрустнули на зубах.

Как стали уверенными все его движения, как концентрировалась его энергия.

К счастью, в это раннее время прогуливающиеся по парку были редки, и он мог надеяться на удачу и выиграть пять-семь километров лесопарковой зоны, пересеченной аккуратными аллеями, благоустроенными и подстриженными.

Если все проделать быстро.

Их ноги тонули в мокрой траве, пальцы тщательно обшаривали подозрительную землю в поисках скрытых ловушек. Можно не сомневаться, что дружинницы их наставили повсюду, где только позволила им фантазия и мерещатся мигрирующие, как тараканы, мужчины. Редодя уважал их бдительность.

Никаких других женщин-охранниц здесь не было и в помине. Утро стояло тихим и прохладным, нога всё меньше беспокоила и Редодя с удовольствием вдыхал чистый, прозрачный воздух. Строго говоря, он еще никогда не чувствовал себя так замечательно. Теперь окончательно отпал вопрос о его ущербности – наоборот, неожиданно для себя, он превратился в сверхробота. Нет, он думал не о том, как использовать свою силу и могущество. Ему были чужды властолюбивые амбиции. Но сознание того, что его неполноценности пришел конец, что ему теперь некого бояться, кроме как себя самого, было просто восхитительно!

Они проползли несколько метров и наткнулись на металлическую ограду. Шаркающие ноги с той стороны ограды заставили их распластаться по земле, как опавшие листья. Редодя спросил себя, каким они ужасом предстанут в глазах прохожей, если та случайно взглянет в сторону сада и увидит растянувшихся на земле мужчину и женщину друг на друге.

Стояло набравшее ход утро.

– Ты выглядишь ужасно: ввалившийся рот, закатившиеся глаза, дурдом на голове. – Малва старательно поработала влажным платком и расческой по спутанным волосам его короткого парика. – Теперь двигайся сам, – сказала она и на прощание помахала рукой.

Малва была возмутительно красива, только сейчас Редодя это понял и отвернулся.

Дальше все было совсем просто, и он ощутил пьянящую радость свободы оттого, что двигаясь вдоль ограды, улица была пуста. Потом, дрожа, собрался с силами и перемахнул острые прутья. Он стоял на незнакомой улице. Нигде ни души. Теперь он понял, что никто его не видел, никто его не преследовал.

Но вот на пути попала старушка – явный неутешительный признак. Почему ей не спится в такую рань? Что она могла подумать? Перебегающие путь старушки – плохое предзнаменование, хуже чёрных кошек.

Старушка оглянулась вокруг и, не увидев никого, кого бы можно было позвать на помощь, бросилась к таксофону с осведомительской поспешностью филера, на какую только её старческая прыть была способна, чтобы со всеми удобствами и потрохами заложить его.

“Опасность!” – пронеслось у него в голове красной вспыхивающей лампочкой и ревуном. Редодя похолодел, и в то же время мысль его заработала с невиданной быстротой и прежней отчетливостью. Вот насколько стимулируют экстремальные ситуации! Он бросился бежать, как безумный, еще быстрее, используя преимущество раннего утра, скользя беспокойным взглядом по бесконечным улицам справа и слева.

Когда он пробирался мимо малоэтажных домов, было все еще тихо, никто его не преследовал. Он лег на землю, прислушался, потом, не теряя времени, снова сменил направление и повернул за угол вправо и ещё раз за угол уже влево. Как хотелось не утратить ясность логики в выборе векторов без всяких штурманских познаний.

Неожиданно заржали лошади и Редодя остановился как вкопанный. На земле лежали в удобных и неудобных позах амазонки количеством не меньше сотни. Смерть их застигла одновременно.

Кто надругался над ними, какая сила?

Кто посмел извратить закон роботехники номер Один?

Редодя осторожно решил оценить масштаб катастрофы. Характер расположения трупов был беспорядочный, что говорило о том, что смерть нашла женщин внезапно. Он прошёлся между трупами и удивился, что они были без явных следов нанесения травм, несовместимых с жизнью, и вообще без признаков насилия. Выяснить причину смерти ещё мешало отсутствие каких-либо вещественных доказательств. Это было меньше всего похоже на массовое убийство, а больше на коллективный суицид. Что бы ещё сказало об удавшемся самоубийстве? Выражение “несчастный случай” казалось ему более подходящим. Редодя был зол на женщин, но даже несмотря на это, представленная картина повлияла на него тягостно и отрезвляюще. Он хотел было заплакать, но огромный ком, застрявший у него в глотке, не дал рыданиям вырваться наружу.

“Сделай же что-нибудь”, – сказал он сам себе.

А вот и знакомое лицо – сама Гзинтра Подбельская! Редодя склонился над ней. Ему никогда не приходилось шупать пульс, проверяя, функционирует ли биоробот, и он чувствовал себя абсолютно беспомощным, не зная, как приняться за это дело, как подступиться к девушке. В поисках пульса он протянул руку наугад и притронулся к телу. Удивительно, но её грудь была теплая и под собой издавала нормальный пульс, и трупы тоже были ещё тёплые. Лошади продолжали ржать. Внимательно присмотревшись, он заметил маленькое шевеление и посапывание носами, и появились другие звуки, более громкие, переливчатые, перерастающие во всеобщий богатырский гул. Трупы дышали неровным храпом, а это признак того, что они сейчас проснутся!

Да это же лагерь отдыха амазонок! Ночлежка под открытым небом!

Совсем измучились девки за вчерашний день и эту ночь, и под утро упали мертвецким сном, и теперь вот стали приходить в себя!

Да, не простое это дело изматывающий душу Большой Марафон!

Редодя рванул с места, что есть сил. “Если амазонки не держатся на ногах, то как же он?” – не покидали мысли его. Теперь налево и направо – два равноценных направления. Проспект тянулся по закрытой от насаждений местности, но вдаль можно было прочитать вывеску – на ней было написано “Интеллектуальное казино”. Интуиция заставила направиться к нему. По правой стороне потянулась беспорядочная череда высотных домов. Но Редодя опять не стал прятаться за ними, и хотя он совершенно не потерял присутствие духа, ему со всех сторон чудились женщины. Стройка, по которой он пронесся как вихрь, была просто грязной канавой; он старался держаться обочины, где земля была тверже.

Все больше и больше попадалось женщин, и он увертывался от них, как при игре в салочки. Но это были ещё одиночки, неорганизованные, нескорешившиеся до группировок для эффективной тактики женщины, больше рассчитывающих на своих двоих, чем на применение в погонях транспортных средств. “Я не делаю ошибок, пока мне всё благоволит”, – подумал он. Как отчетливо он всё осознавал раньше, вот также бы и сейчас! Прежде чем остановиться, он, обливаясь потом, пробежал без приключений не менее двенадцати километров.

И весь этот день, часть ночи и утро следующего дня Редодя бежал вперед, спотыкаясь о раненую ногу, а точнее, прилегая сильнее на здоровую. Почему-то амазонок на этом направлении не наблюдалось. Или это было их

упущение, либо основное скопление произошло на вокзалах или в центре Москвы. Чем ближе к финишу, тем всё больше у него развивалось фобическое ощущение присутствия женщин, и он мог бы с точностью газ-анализатора сказать, что чувствует их специфический запах за версту. Прячась, он констатировал, что почти преодолел сто восемьдесят километров. Затем уже, почувствовав облегчение в ноге, выгнул круто спину, и высоко поднимая колени, удлинял шаги, как спринтер.

В конце улицы что-то мелькнуло, и Редодя ощутил в себе, что это не просто пешеходы, неспешно переходящие улицу на зелёный свет, а агрессивные пиратки в юбках, нечто таящие в себе прямую угрозу его передвижению.

Их было трое, расплзшихся тенями, и единственное, что мог сделать он – упасть и не шевелиться. Он прекрасно понимал, что любое, даже самое лёгкое движение выдаст его с головой, поэтому замер в той самой неудобной позе, в которой увидел идущих сторожей. Нахальные травинки и ветки шекотали шею и подбородок.

Совсем близко раздались голоса. Один из них уверенный, басовитый.

– Они, как тараканы, адаптировались, стали слишком шустрые и непредсказуемые.

– Нейтрализация требует всё больше времени и средств.

– Средств у нас предостаточно.

– Вот времени бы ещё... – расстроено вытянулась свежая физиономия. – Недельку-другую...

– Я бы их замочила.

– Г-Господь с тобой!

– Не убить, конечно. Этого ещё не хватало. Замочить, а потом высушить на солнышке – вот что я имела в виду.

– Их коррозия не берет.

– Есть способы и получше. – Басовитый голос стал мечтательным.

– Например?..

– Выставить их дураками.

– О, сделать посмешищами!

– Неплохо бы...

– Не получится. На каждого не накинешь шутовской колпак.

– Очень жаль. Это был бы выход из положения.

– Жаль, что нельзя их просто взять под локоток и препроводить в достойное место. То как зайцы прыгают в сторону, то идут напролом, как медведь сквозь валежник, а мы, знай, всё сидим у них на хвосте. Увы, не очень-то обнадеживающе.

Другая поддакнула:

– Неприятно, уж точно. Научились даже мимикрировать под асфальт.

– Ишь, умники, но не всё им сойдет с рук, не всё им будет по шерстке гладко. Гзинтра Подбельская настоящий стратег. Что она задумала? Выбирает район, окружает его тремя линиями колец из своих амазонок. Первая линия, внутренняя, состоит из пеших амазонок; вторая, средняя, – из велосипедисток, а самая наружная – конномоторизованная. Ещё ни одному мужчине не удалось прорвать тройное оцепление.

– А этот район?

– Под её контролем. Фланги только что после небольшой перегруппировки сомкнулись вместе, образовав котёл для мужчин.

Редодя не мог сразу сообразить, что же ему предпринять. Придется пробираться по крышам, женщины вряд ли рискнут бегать на головокружительной высоте. От ясной формулировки голова заработала лучше и чётче. Либо он проскочит, либо сорвется и свернет себе шею между домами. Он противился этой мысли, но ничего не оставалось другого. И ее нужно было проверить в любом случае как можно быстрее. И сейчас не время медлить.

Какой красивый по архитектуре дом! Улыбка Редодя резко перешла в кислую мину, как только он подумал, что надо лезть на головокружительную высоту.

Не раздумывая, он стал карабкаться по стене, цепляясь за скользкие кирпичи, за выступы и выбоины.

Без видимого усилия забрался на подоконник десятого этажа, но решил передохнуть и осмотреться. Редодю заинтересовало полуоткрытое окно и, чтобы не вызвать в них скрип уключин, сжавшись до резиновости, он протиснулся в щель, что, несомненно, потребовало виртуозной ловкости.

Труднее всего было спрыгнуть на пол, не произведя никакого шума, однако ему удалось и это. Понадобилось снова прислушаться. Шум нет-нет да доносился и сверху и снизу, и голоса не отставали, то приближаясь, то пропадая вдаль по коридору. Определив направление звуков, то есть отсутствие их, он бесшумно двинулся в ту сторону.

Тишина всегда обманчива. Редодя понимал это.

Встретившаяся полуоткрытая дверь заинтересовала его. Ни угрызений совести, ни страха он не испытал, только смущение, когда заглянул туда и прислушался. В комнате было десять женщин в рабочих халатах и разно завязанных косынках, увлечённых странными манипуляциями – производили смешивание компонентов. Тут же по стенкам висела амуниция амазонок. Одна с гладкими волосами под косынкой с воткнутой в неё розой сидела у стола, вполоборота к двери, и зачёрпывала маленькой ложечкой из банки коричневую студенистую массу и очень осторожно, по несколько капель перекладывала в узкую склянку вроде тех, в которых продают искусную эссенцию или помидорную пасту “Кетчуп”. Остальные проделывали точно такие же действия. Рядом с каждой стояли и другие склянки, как узкие, так и обыкновенные. Наполненные, они тут же завинчивались пробками.

“Делают метательные снаряды, бутылки с зажигательной смесью!” – догадался Редодя, и его предыдущая радость установившегося спокойствия несколько омрачилась, померкла. Беседу женщины не вели, увлечёлись процессом.

“С огнем играют! А если жажнет?” – испугался он.

– Ты просто сумасшедшая, – нарушив молчание, потерянно сообщила одна другой, – у тебя самая настоящая мания преследования. Раньше ты такой не была несносной.

Женщина в косынке со звёздами, не оборачиваясь, ответила:

– Надо марку держать. Надо уважать себя. Что за славное создание биоробот-женщина? Насколько благороден рассудком! Насколько безграничен в дарованиях! Насколько задушевен, откровенен и искромётен! Насколько выразителен и дивен в форме и движениях! Насколько решителен и мужествен! В деяниях насколько подобен ангелу, а в разумениях Всевышнему! Насколько наполнен здравым смыслом! Насколько краса творения,

пластики и вдохновения! Всего живущего высочайший образец!

При каждом высказывании она закатывала глаза.

Сказано это было убедительным, по настоящему искренним тоном.

Другая поддержала:

– Я тоже всегда акцентировала на этом. Поразительно, какие чудеса творить умеет биоробот-женщина, в том числе чудеса бесстрашия и отваги. Трудно представить существа более логичного и трезвомыслящего. Ум, честь и совесть. Нет более абсолютного, чем он. На редкость пытлив, внимателен, позитивен и нравочен. Борец с нечистой силой. Отличен чрезвычайным отношением государственных дел. А манеры, речи, воспитание, энергия...

– Да, скажу, женщина не то что мужчина...

Женщина с выбившимися волосами подняла руку.

– Чтобы не было нам скучно, поиграем в игру.

– В какую?

– Каждая продолжает мысль предыдущей. Кто остановится, та проиграла.

– Я согласна, – поддержала синяя косынка.

– Вот ты и начинай.

– Обладает манией чистоты, кротости, доброты, безгрешности!

– Существенен и насыщен в чувствах!

– Статен, широкоплеч, ясноглаз и речист, не то что эти... Худы, неуклюжи, робки и мелки.

– Владеет редким даром магнетизма!

– Несёт в себе то, что недостаёт мужчине!

– В нём явное торжество духа!

– Это катастрофа – быть мужчиной! – подвела итог женщина в косынке со звёздами.

– Ну, ещё бы! – раздалась довольная реплика всех остальных.

Редодя стало ясно, что демонстрацию противопоставления полов не иначе нагнетанием напряжённости между ними не назовёшь, а химические операции, производящиеся на столах, не простая угроза всему мужскому сообществу. Он зловеще хохотнул и гробовым голосом, направив звук на потолок, произнес:

– Создание не Бога, а Дьявола!

Все удивленно посмотрели на потолок, у одной косынка сползла на шею и она сказала:

– Я продолжаю игру. Биоробот-женщина великолепен обострённым чувством к поэзии, живописи, пению, танцу, верховой езде!

– Воспет в прозе и стихах! – подхватила следующая, это была женщина с розой.

– Не повторяйся! Я уже про поэзию сказала, – возмутилась предыдущая и поднесла ей бутылку.

Женщина с розой сверкнула глазами, не желая дать себя в обиду.

– Воспет в стихах и умение ценить стихи – это не одно и то же! – Она грозно поднялась с места.

Женщина с выбившимися волосами стала между ними.

– Хватит выяснять отношения! Моя очередь. Самобытен в поисках всего нового и прогрессивного.

– Насколько чистоплотен в помыслах! – воскликнула успокоившаяся женщина с розой.

Она, изготавливавшая гремучую смесь, стеклянно звякнула посудой, и, юноша, мельком сконцентрировавшийся на звук, заметил, что это та самая переданная ей

бутылка, затем увидел, что женщина закусила губу и побледнела.

Затем откинулась в обмороке.

– Опять наглotalась парализующего клофелина! – возмущённо воскликнула синяя косынка. – Я же говорила, включай вентиляцию, говорила, предупреждала, что мужчину валит с ног двадцать грамм, а ты надышалась на все сто!

– Благодаря тебе! Признавайся, что за адский состав для мужиков придумала? – Женщина в косынке со звёздами полезла драться.

“Ядосмесительницы!” Редодя был возмущён готовившейся акцией с клофелином. Последняя фраза своей откровенностью и непримиримостью повергла его в шок.

Чем закончилась история с обмороком, он так и не узнал, потому что пора было бежать, тем более он почувствовал, что его кто-то разглядывает.

Он постарался уйти из зоны этого взгляда, чтобы через то же окно вернуться на стену. От сквозняка хлопнула оконная рама, звонко посыпались стёкла. Редодя увидел, как на подоконник вслед за ним вылезает сонная молодая женщина в одной ночной рубашке, длинные чёрные волосы разметались по плечам.

Они стояли напротив друг друга, и каждый был в оцепенении. Первой отошла женщина и истошно завопила:

– Изydi, антихрист! – И перекрестилась.

Тут же внизу наметилось движение, и донеслись женские проклятья:

– Ну, падай же!

Под тем местом, где был он, множественными руками натягивалось синее полотно. Оно казалось размером с поверхность ведра с водой.

Редодя по стене стремглав добрался до крыши.

На фронто́не было множество литых статуэток пантер и слонов, и, перехватываясь по ним, он взобрался на крышу. Странно было смотреть сверху вниз на всё происходящее на земле. Движение внизу словно замерло. Точечные фигурки биороботов, а также коней, стояли на месте, и было впечатление там полной безопасности. На самом деле жуткая бездна внизу под ногами готова была проглотить любого, оторвавшегося от утлого карниза словно с трамплина.

Еще прыжок, еще один. Будто из него выкачивают все внутренности, все содержимое из желудка при полете, и не сразу понял, на какую высоту его занесло, что чуть не загремел вниз. Редодя перемахнул через восемь крыш, на девятой нога оказалась в окружности петли, она взмыла вверх, и он повис вниз головой, отчаянно барахтаясь в воздухе на высоте четырех метров. Так бы и висел, но он увидел приближающихся амазонок. Даже здесь на крышах они поставили блок-посты. “Слабо, девушки!” – Добравшись гимнастическим кульбитом до петли, он успел стальными зубами перетереть трос, как мочалку, и освободиться раньше, чем они подбежали.

Ещё несколько прыжков с крыши на крышу. Лихорадочные секунды полётов – прыг-скок с козырька на козырёк, всё чаще, приятнее и дальше – вызвали у Редоди такой прилив чувств, такое их замешательство, что он потерял всякую осторожность. Новый короткий, сильный рывок удавки уже на шее с кратковременной потерей сознания, и он снова, как сосиска, болтался в воздухе, нелепо подергивая парализованными конечностями. Как ему показалось, это продолжалось одно мгновение, затем он попробовал вскрикнуть от неожиданности, но

не получилось – воздух не проходил горлом. Редодя освободился из петли не сразу, но проверенным способом и дал себе слово впредь быть внимательным.

А дальше пошла площадь и поневоле пришлось спуститься. Фронтон с химерами и грифонами ничуть не испугал его, только они и в самом деле были на ощупь мерзкими и скользкими. Сосредоточенность к спуску не помешала ему услышать приближающийся сложный шум за углом. Он не знал: на каблуках противник или в шлепанцах, на лошадях или велосипедах, на мотоциклах или авокапах – ему было все равно с кем иметь дело, он готов был к любому развитию событий.

Редодю спасло то, что женщин отвлек мужчина, неожиданно пересекший их путь. На его спине был номер 9467537. Никак Акриф Бутульгейский! Уж очень похоже.

– Наконец-то мы выясним, кто ты таков и на что способен! – кричали они хрипло, остервенело бросившись за ним вслед. Вперед вырвалась Гзинтра Подбельская на кобыле в яблоках, красные молнии вырывались из-под ее длинных ресниц, конский хвост волос разметался в патлы Медузы Горгоны.

Это была ее черная сотня. Колени лошади вдруг надломилась и она упала замертво с пеной у рта, подмяв Гзинтру под собой. “Ах ты дрянь, загнала очередную скотину!” – крикнул Редодя и ужаснулся громкости. Но амазонки улюлюкали, увлечшись погоней, и посторонние звуки их не тронули. Секундное замешательство, связанное с высвобождением предводительницы и пересадкой её на новую лошадь, бурю-каюрюю, и погоня продолжилась.

Скрип несмазанных велосипедов, топот бегущих ног, пронесшихся ураганом перед Редодей, несколько неясных фигур перед глазами, еще неловко накинута с трёх попыток большая сеть на беглеца, – и несчастный Акриф Бутульгейский забился в их крепких руках. Двор с готическими домами вокруг огласился его душераздирающими воплями, выпускаемыми биороботом, явно находящемся на грани безумия.

Было занятно. Сто на одного! Такого количества женщин на одном пяточке в одно время на одного мужчину Редодя не видел давно.

Акриф ещё пытался вырваться, но руки его и ноги были стянуты сетью намертво, превратив его в мумию. Редодя убедился, что не обознался, как на опознании трупа, и окончательно признал в мумии Акрифа Бутульгейского, своего теперь недруга, и ему невольно стало жаль его. Вот к чему приводит мужской индивидуализм.

– Веди себя прилично! – Женщины хищно склонились над ним. – И достойно, как проигравший!

Прочь от этого гиблого места!

Внимательный взгляд Редоди шарил по всем закоулкам и был нацелен только на движущую цель, но и неподвижные тоже могли привести его к краху.

В тени ограды и в самом деле кто-то стоял, но этот кто-то явно не принадлежал к слабому полу.

Точно. Мужчине надоело выжидать и он, выдавленный из сада, озираясь, осторожно пошёл по улице. Сухопарый, стройный, с длинным высокомерным лицом, отметил Редодя.

– Привет, номер 7481967! – он подумал, что вместе действовать сподручно.

– Свидетельствую свое почтение! – ответил тот.

– Объединим наши усилия, – предложил Редодя.

– Ты настоящий мужчина? – вдруг спросил мужчина.

Редодю такая постановка вопроса удивила.

– А что?

– Женщины прикидываются мужчинами и ловят тех, как на живца.

– А это разве разрешено правилами Большого Марафона?

– Что не запрещено, то разрешено! – с пафосом и с каким-то смачным удовольствием ответил мужчина.

Ловушка!

Редодю сразу понял, что от этого существа в штанах и без кадыка на шее надо отделяться как можно скорее. Он оценил ситуацию и первым крикнул не “держи вора!”, а:

– Хватайте мужчину!

И тут филёрша с пронзительным воплем кошкой вцепилась в него мёртвой хваткой и повисла на его плече, пронирыливо и неожиданно цепко. В свою очередь она закричала истошным голосом:

– Хватайте, хватайте мужчину! Обкладывайте его со всех сторон!

Редоде пришлось применить к ней болевой отжим подбородка и рвануть в проходной дворик.

Тем благополучно и обошлось, и уже каждый последующий мужчина заставлял его сомневаться, хорошился и обходить стороной.

Очередной надвигающийся вдали женский заслон заставил Редодю нырнуть в подъезд, подпереть дверь доской и толкнуться в чью-то незапертую дверь полупустой квартиры. Огромный дог рычанием перегородил вход. Юноша не боялся псов с их титановыми клыками, но не хотел лишнего шума. Этаж не удовлетворил Редодю – слишком близко к улице. Он бежал по лестнице вверх и открывал двери. Не сюда, не сюда. Никто не попадался навстречу – ни мужчины, ни женщины. Надо отдать должное – Большой Марафон поистине грандиозное шоу и всех вытащил на улицы!

Когда входная дверь захлопнулась, он первым делом повернул на кухню. Голод – не тётка, а жажда – не дядька! Но пытка приличная. На кухне громоздились несколько столов, открытые полки с посудой и кухонной утварью. Там его ждали еще горячая фитюрня с курицей, фондюшица с клубникой в шоколаде, полный вазон с салатом из колбасы, бутылки вина в корзинке и минералка. Жажда – не совсем безобидное чувство...

Стоп!

Редодю несколько секунд стоял неподвижно, пытаясь определить наиболее опасные места. Женщины капитально подготовились к Марафону и припасли немало сюрпризов и неожиданностей. Он вспомнил взмывающие петли на крышах – тогда всё благополучно обошлось. Кухня – всегда самое хитрое место в любой квартире и поэтому туда-то лезть точно не стоит. Напичкать её невероятными ловушками проще простого. Любая крошка пищи и любая капля воды могут быть отравлены парализующим составом. О, яд, проникающий энергетическим потоком через пищевод до главных органов! Как было не знать Редоде. Он будет в сознании, но окажется обездвижен с адекватным пониманием того, что хочет пошевелиться, но не может, не может сделать ни шага, ничего из того набора, чем наделён биоробот. Не исключено, что электроприборы только и ждут случая ударить электрошоком неосторожного посетителя, а банки под крупы с яркими надписями окажутся обманками-

бомбами, готовыми взорваться при первом прикосновении и опрокинуть субъекта на живот или на спину. Очень опасны растяжки – это или капканы на большого зверя или яма с потайным люком. А открыв дверцу шкафа, можно запросто получить струю быстродействующего газа в лицо, и хватит одного вдоха, чтобы выпучить глаза...

В первую минуту хотелось кричать: “Не имеете права так поступать! Это негуманно! Это незаконно! Это несправедливо! Это не по правилам!” Но разве женщин остановишь в их твердомыслии, разве им докажешь – этим инопланетянкам!

Хочешь не попасться – держись подальше от кухни, подумал Редодю.

С того места, где он стоял, он мог заглянуть и в ванную, но ванная ему бы тоже не понравилась – слишком много всяких блестящих безделушек и хромированных штуквин, способных выкинуть какие-нибудь неприятности, а Редоде гораздо больше годилось остаться свободной личностью, чем, если бы дамочки его переправили в отстойник.

Он набрался смелости и прошёл в гостиную, насколько возможно, изучая её. Комната примерно метров десять на десять, с полом, покрытым жёлтым ламинатом, со скромной мебелью: диван, стол, несколько лёгких стульев. На перламутровых стенах несколько абстрактных картинок. Такая квартирка без изысков вполне могла бы принадлежать какому-нибудь холостяку, в данный момент участвующему в Марафоне, или студенту, отсутствующему по той же причине, или женщине, возманившей себя амазонкой.

Камин проблескивал последними язычками пламени. Редодю представил его пылающим от жара. Вопреки страху налил полный стакан вина и сел у огня. Мысли его крутились вокруг Малвы. Он не был склонен к абстрактным рассуждениям. Жизнь есть жизнь во всей своей сложности. Всё еще не верилось, что Акриф Бутульгейский в лапах женщин. Это спортсмен, качок, блондин, не чета ему, брюнету худощавого телосложения. Хотя фантазия у женщин распространялась на всех, даже рыжих.

Всё казалось кошмарным сном, от которого нужно было очнуться.

От беспокойных мыслей отделяться не удавалось.

Редодю перешел в комнату, в которой посередине стояла кровать, да в углу пылился щербатый рояль. Кровать была невероятного размера: в высоту метр, по три метра в длину и ширину – чудовище на кривых ножках с резным изголовьем под поднятым к потолку балдахином.

Редодю, низко пригнувшись, вышел на балкон и сквозь картонные коробки выглянул на улицу. Обнаружить скопление женщин было нетрудно.

Фаталистически смирившись с неизбежным, он следил, как Малва размеренным шагом подошла к обшарпанной двери подъезда, через которую минуту назад Редодю вошел в дом. Она рванула ее, затем задумчиво постучала костяшками пальцев.

Никто не ответил.

Она, как бы раздумывая, ударила еще несколько раз, но безрезультатно. И тут забарабанила, что есть силы, руками и ногами. За дверью не отзывались.

– Он облюбовал именно этот подъезд? – спросила Малва.

– Он где-то здесь, здесь! – Женщина показывала на весь дом.

– Ты что, совсем рехнулась?

– Говорю, я его нутром чую. Он тот самый – неуправляемый, неуловимый, просто бешеный...

Она, перевалившись наполовину через перила балкона, уже заглядывала в ближайшее окно. Редодя испытывал отвращение, когда наблюдал за ней: как хищно выгибалась ее спина, вульгарно выпячивались крутые ягодицы, напрягались мышцы икр.

– Мне нравится твоя уверенность, – произнесла Малва.

Подоспела Гзинтра, она уже не была на коне, тяжело дышала, черты лица заострились. “А где её новая лошадь? Неужели успела загнать и эту скотину? Загубила бурую-каюрую!” – не мог простить ей этого Редодя.

Дружинницы на велосипедах полукругом обложили Малву и ее соратниц.

Гзинтра сдвинула на затылок широкополую шляпу, обнажив рыжий веер волос.

– Прошёл слух, что у вас не всё в порядке, – велеречиво произнесла она. – У вас, правда, проблемы?

Малва и её соратницы одарили её презрительными взглядами.

– Если вы не можете сами, мы это сделаем за вас, – сказала Гзинтра.

Воцарилось недолгое молчание.

– Ничего, – натягивая улыбку, ободрила она. – Через несколько минут мы извлечем мужчину из его логова, и он горько пожалеет обо всей этой истории раз и навсегда.

Малве не понравилась самоуверенность Гзинтры.

– Этот парниша позволил себя выследить, он нам дорог, мы сами доведем розыск до конца и распорядимся его судьбой.

– Девушки, вы готовы! – возвысила голос Гзинтра к своим воительницам.

– Мы вымотаны до предела, – не выказали они желание связываться в рукопашную с такими же двухметровыми амазонками.

– Девушки! – снова возвысила голос Гзинтра.

– Мы не одну милю отмахали без усталости.

Ропот девушек не остался без внимания.

– Вперед! На стены! – Гзинтра брызнула слюной. – Но будьте осторожны. Он ловок – по отвесной стене перемещается как молния.

Они прислонились к стенкам и тяжело дышали, и их удовлетворяло даже такое неудобное состояние отдыха.

Гзинтра велеречиво зажурчала:

– Вы, девушки, достаточно потрудились сегодня. По-моему, еще небольшое усилие. Завтра будет полегче, борьбы поменьше, но беготни побольше. Число мужчин перевалит на единицы! Но это самые-самые, отпетые и отъявленные, лучшие из лучших и твердые экземпляры-чики.

Амазонка подошла к Малве и неожиданно нанесла удар в голову. Но тут же получила увесистую сдачу.

– Ты зачем ударила? – спросила Малва.

– Я без членовредительства.

– Нет, скажи, ты зачем это сделала?

– Так не сдержалась – нервы не выдержали. Контра! – зашипела дружинница.

– Иди подлечись, подремонтируйся! – сказала Малва.

– Ольга, Нина, Люка! На приступ! – Гзинтра провоцировала взломать защиту любыми путями.

Девушки испуганно отошли на безопасное расстояние.

Малва подозвала из своих двух двухметровых девиц.

– Мы бы могли попробовать сокрушить дверь, – деловито предложили они свои услуги.

– Так, значит, придется ломать?

– Положитесь на нас, – с готовностью ответили они.

Малва мотнула головой.

– Неизвестно какие замки.

– Можно мы попробуем?

– Легче пробраться через окна, – Малва показала рукой на открытые проемы на разных этажах.

Но дверь поддалась под мощным натиском, и четверо женщины быстро взбежали по лестнице.

– Твои гончие решили обойтись без нашей помощи? – иронично спросила Гзинтра.

Дружинницы Малвы стояли плотной группой.

– Он – лабух, – не унималась Гзинтра, – а вы с ним изволите сентиментальничать.

Из подъезда выбежала девушка.

– У меня плохие новости: он... удрал.

– Улизнул?! – Гзинтра не поверила своим ушам.

– Да. Мы обшарили в подвале дома подземный ход. Он ведет неизвестно куда. Через него, мерзавец, видимо, и выбрался.

– Вы где-то допустили ошибку, – сказала Малва.

– Мы сделали всё, что могли.

– Да будь оно всё проклято! – взорвалась Гзинтра.

Из ее глаз посыпались искры. – Значит, твои дружинницы, Малва, позволили ему скрыться! Он и нас водил за нос 50 километров.

Гзинтра со своими гончими с яростью метнулась от дома к ближайшему канализационному колодцу.

– А я думала, – с сожалением произнесла Малва, – мне преподнесут его на блюдечке с голубой каемочкой.

– Далеко не уйдет, все общественные места под нашим наблюдением, – успокоили ее девушки.

Все ждали решения Малвы.

– Я не хочу, чтобы мы морально пострадали. И не хочу, чтобы он достался Гзинтре.

– Так что делать?

– Будем торопиться. Еще раз основательный прогон по всему дому, – приказала она. – Всем вместе.

Редодя ужасался, что острый крысиный нюх подсказывал женщинам, где он. И одновременно восхищался, что их логика безупречна.

– Должно быть, это его рук дело, – заметила девица, указывая на растворенные кругом двери, сбивавшие со следа. – Если, конечно, он не превратился в невидимку...

Одна девица вышла из квартиры.

– Никого нет, предводитель, – доложила она.

Объявите тревогу по всему дому, – приказала Малва. – Этого парня необходимо разыскать и очистить от него помещения.

– Каким образом?

– Ты однажды уже не справилась с порученной тебе задачей.

Послышался треск разлетающейся в щепки древесины – незваные гости ломались через дверь основного входа. Редодя отошел от окна и отправился на кухню. Дверь и впрямь выламывали, раз за разом ударяя в нее снаружи чем-то тяжелым. И вот она поддалась, последние запоры слетели и рухнули на пол. Следом за ними туда же упала и сама дверь. Понадобилось всего две минуты, чтобы с ней управиться. Взломщик стоял на поро-

ге. И это был не какой-то там суперробот, а амазонка Малвы...

И снова невыносимый женский запах! Его легко обрести аллергическим недомоганием и трудно от него отвязаться. Неперебиваемый даже обильными духами. Ударивший в обострившееся обоняние. Государство законом по экологическим соображениям упразднило запахи, прежде всего мужские и женские, как ненужные и противоречивые, как равноправные между собой, но сегодня женские непроизвольно забивали носоглотку, потому что тестостерон в крови у женщин был выше. Не в пример, запах горячего асфальта казался наркотически приятным.

Удушающие миазмы, хлынувшие в лицо Редодю, чуть не заставили его потерять сознание. Ему захотелось увидеть источник этого сегодня ненавистного дьявольского запаха.

Но тут же понял, что снаружи, выслав гончую на разведку, остались дружинницы. Что ж, неплохо придумано. Мысленно Редодю даже улыбнулся, подумав о том, что одна гончая не сделает погоды, вновь потерпит неудачу – ему ее смертоносное появление не могло причинить никакого вреда.

Когда она выросла в прихожей, он зажал ей рот и впихнул в ванную.

– Пропала Васта! – услышал он. Значит, остальные амазонки должны были появиться с минуты на минуту.

Они появились ровно через две секунды, предварительно швырнув перед собой гранаты со слезоточивым газом. Прихожая наполнилась ядовитым сине-зеленым дымом, который вскоре распространился по всему этажу.

– Как ты посмела употребить газ? – В квартиру во- рвалась Малва.

– А как его ещё выкурить?

– Но ведь газ запрещён!

– Для такого крепкого мужика ничего не жалко.

– Все средства хороши, – согласилась с ней подруга.

– Чтобы ему Марафон не показался малиной.

– Всё равно не имеете права! – засверкала глазами Малва.

– Это не слезоточивый газ, он просто для задымленности, так – поугагать, и только, – услышала она оправдание.

Через несколько секунд три темные фигуры в кислородных масках с духовыми ружьями наперевес, стреляющими травматическими пулями, вошли в квартиру подобно мальчишкам, которым вздумалось поиграть в войну. Редодю снял со стены камеру и навел на них ее глаз, и с ужасом заметил сквозь дым, что одним из взломщиков была сама... Малва.

Вблизи Малва оказалась ещё более опасной, чем издали.

– Общайте, – равнодушно распорядилась она. Голос её, как обнаружил с удивлением Редодю, оказался визгливым. Однако в нем звучала какая-то непреклонная жестокость, заставляющая людей беспрекословно повиноваться.

Видеоискатель пробивал свет им в лица, но они не обращали на это никакого внимания. Увидев Редодю, выступившего из дыма, в свою очередь нацепившего кислородную маску, они решили, что перед ними настоящий Терминатор, и оцепенели.

Прекрасный случай – он пропал за завесой и, не заметив валявшийся на полу нож, случайно зацепил его

ногой. Нож звякнул и отлетел в угол. Редодю замер, прислушиваясь: шум был очень отчетливый и некстати, подсказывающий направление побега. Однако в ответ не раздалось ни звука. Он перевел дух, но слишком рано. Скрип двери сзади, ведущей во вторую комнату, заставил его насторожиться. Ему нестерпимо захотелось распахнуть ее и посмотреть, что же притаилось там. Там не должно быть ни дыма, ни амазонок. И там уже был он. И там находился чёрный ход, который он сразу не разглядел. Редодю метнулся туда и прыгнул в дверь.

Вошли женщины. А где закамуфлированный выход? Редодю оказался в ловушке. “Себе ничем помочь нельзя, – подумал он. – К сожалению. Останется лишь убедиться в том, что я проиграл Марафон”. Он сиганул от них, а затем на кровать и не знал, куда ему откатиться – лежа в центре он был в зоне досягаемости и с той, и с другой стороны. В изголовье кровати лежала пластмассовая бейсбольная бита, но он даже не тронул её. Преступно её применять против личности, Закон номер Один!

Зато амазонка взяла биты в обе руки и сделала ма- шущие движения, как будто оттачивала отбивание мячей. Свист биты у самого уха навёл ужас на Редодю. “Да, это же называется игра без правил!”

Затем она перехватила её в правую руку и вытянула вперёд, прицеливаясь.

Варианта не оставалось и Редодю юркнул под кровать. Он лежал и размышлял. И животом ощущал дыхание... чужое дыхание набивавшихся в комнату амазонок. Одна из них сказала:

– Где он? Это просто твой вымысел, плод чересчур богатого воображения.

– Вымысел не может лежать под кроватью.

– А вот сейчас мы его достанем! Превратим вымысел в реальность! – Женщина битой подцепила свисавшее до пола одеяло и закинула его на кровать – туда, откуда оно сползло, затем заглянула под кровать. Она выглядела волосами вниз придурковатой замарашкой. И всё равно она ничего не увидела – под кроватью было совершенно темно.

– Вылезай, голубчик, – сказала она и махами стала наугад шарить битой. Она водила ею туда-сюда, пытаясь поймать Редодю на толстый конец.

Почему он сам не воспользовался битой – его паци- физм дорого обойдётся ему. Редодю забился подальше в другую сторону, чтобы невозможно было до него дотянуться.

– Чертовки! – огрызнулся он.

Она перебежала и попыталась ткнуть его тонким концом слева.

Вдруг она почувствовала, как он схватил конец биты. Амазонка попыталась потянуть её на себя. Ей это не удалось. За биты схватились ещё две и стали тащить биты к себе изо всех сил, выкручивая её во все стороны. Биты держали очень крепко, но амазонки оказались крепче и вместе с нею повалились на пол, когда Редодю отпустил её.

– Ого, бита прокушена в трёх местах! Любезный наш дружок, это тебе дорого обойдется, от нас не убежишь! – услышал Редодю.

– Врешь – не возьмешь! Вы – гнусные истериофи- ки! – Он опять успел откатиться на противоположную сторону.

Началась волнующая игра в догонялки.

– Ну, дружок, иди сюда, мой хороший! – Другая женщина простирала руки, не доходящие до него в миллиметры, и, как кузнечик, прыгала с одной стороны кровати на другую.

– Мужланоманки! – оскорбляюще доносилось из под нее.

Редодя ловко перекатывался по полу. Перед его глазами на четвереньках маячили женщины с тупыми и жалкими выражениями лица. Их любопытства хватит на тысячу мужчин. Такие уродины больше ни на что не способны, как только насильничать и глумиться над мужчинами. Ему противно было видеть их одинаковые, как на подбор, продолговатые челюсти, которые как у обезьян выдавались вперед. Почему-то раньше, до Большого Марафона, женщины ему казались славными душечками и милыми лапочками, лучше не придумаешь слов. И без физических недостатков. И Малва, возможно, смотрелась симпатичной, хотя была такая же одна из них. Вот как ненависть обезображивает лица.

Женщинам надоело смотреть на эту комедию, и они стали дружно обхватывать кровать со всех сторон.

– Греховодницы! Шашникрутки! Старые перенцы! – Редодя могучим движением опрокинул тяжелую кровать на них и бросился вниз по лестнице.

То ли это были нужные слова, но удачное высвобождение произошло. Стало быть, ему следовало бы поблагодарить Бога за свое спасение.

Не успел он отдышаться в следующем подъезде, как из-за угла дома появился круглолицый толстый парень и бросился бежать еще быстрее. Такие толстые не могут быть женщинами. Редодя едва успел схватить его за руку.

– Куда безопаснее бежать?

Толстяк тяжело дышал, лицо у него было мертвенно-бледное. Он вытаращил глаза.

– Отстань, болван! – гаркнул он. – Они гонятся за мной! Они повсюду, они всех уже переловили!

Прежде чем Редодя успел спросить, много ли осталось участников, беглец вырвал руку и пустился наутек. Редодя высунулся, и кинулся было за ним, но тут воздух вспорол победный клич несущихся вслед женщин. На пятках у толстяка висело, по крайней мере, восемь преследовательниц, а впереди маячила неугомонная Гзинтра Подбельская. Показавшаяся ему в телевизоре грациозной, она сейчас бежала как-то не резко и косолапила, словно наступала на мозоль в левой ноге. Три дня упорных преследований наложили усталостью отпечаток на лице.

Чертовки! Истериофилки! Мужланоманки!

Не хватало еще вложить голову в пасть тигра. Редодя пристроился за ними сзади и бежал не поспешая. Хитрая тактическая уловка врываться на плечах противника в крепость. Дай Бог, чтобы беглец протащил хвост как можно дальше. Это и в самом деле было легко и безопасно. На время. Пока не заметят, и пока толстяк оттянул на себя внимание женщин.

Ещё плюс два километра кросса. И снова Редоде пришлось нырнуть в подъезд, потому что последняя преследовательница отставала, не совладав с общей скоростью.

– К чему такая спешка? – кричала она.

Ей отвечали:

– Надо разобраться с толстяком.

Впереди бедняга напоролся на встречную моторизованную группу женщин, и круто взлетел в воздух, ко-

торый сотряснулся от победных возгласов, затем перевернулся и, удерживаемый крепко руками, растворился распятый в толпе. Его истошные вопли перекрывали рёв мотоциклов и доносились к Редоде.

– Вы подставили мне подножку! – гнусавил он отвратительнейшим голосом. – А, а, а! Не щекочите меня так больно!

И снова раздался топот ног, шуршание велосипедных шин, треск моторов. Памятуя последние слова толстяка, Редодя стал судорожно вглядываться в поисках убежища. Ближайшим укрытием оказалась разверзшаяся посреди улицы воронка промытого асфальта. Она напоминала скорее лисью нору, однако он сумел в ней уместиться, растянувшись на животе и спрятав голову. На всей планете не найдется такой глубокой расщелины, в которой бы преследователи не смогли отыскать биоробота. Значит, единственный шанс остаться незамеченным – продержаться под асфальтом как можно дольше и чтобы по нему не прошли с металлоискателем, чтобы на него никто не наступил и ненароком не наехал асфальтоукладчик, и край бы не обломился.

Ждать долго в яме, как угодившему в неё волку, было мучительно больно. Ещё больше корбило, что его оскорбительно выволокут за шиворот.

Потом он выглянул.

Опасность миновала.

Как Редодя и надеялся, его не заметили. Воздух перед ним мерцал и колебался, как нагретые слои над раскаленной мостовой. И он был доволен собой. Его никто не видел не слышал. Никто не обонял не осязал. Иначе он был бы выключен из борьбы уже сейчас.

Новый топот и Редодя краем глаза выглянул из воронки. Расстояние между ним и женщинами медленно сокращалось. Теперь оставалось не больше тридцати метров. Он поспешно пригнулся, зацепившись зубами за скользкий край асфальта. В голове почему-то от лягза зазвучал хор ангелов.

– Толстяк уже приходит в себя, – услышал он чей-то голос, а второй, низкий и глубокий, с чувством размерности произнес:

– Здесь в радиусе где-то второй. Инстинктом чую. Они по одному не ходят.

В наступившем молчании Редодя отчаянно пытался сообразить, что это означает.

– Нет, мы точно отшибли ему всякое желание! – заметил третий голос. – Теперь он не высунет нос до конца Марафона.

– В настоящий момент он из активного превратился в пассивного участника Марафона, – поддакнул второй голос.

– Если все выйдут из игры – кого ловить? Нет, нам это невыгодно.

– Надо совместить их интерес с нашим, и гнать их, как волков, к финишу.

Мысль о том, что он попал в засаду, прорезала лоб Редоди глубокой складкой. Вдыхая горячий запах асфальта, он почему-то чувствовал присутствие горячего тела Малвы рядом с собой. На всякий случай напряг ноги. И в самом деле, надо снова пробираться на крыши. Там опасна высота, но не преследовательницы.

Женщины-недотёпы, удивительно, даже не заглянули в прореху на асфальте, и Редодя с глупой гордостью, что перехитрил их, почувствовал на минуту свободу и выполз из своего укрытия.

Аллея кончилась двором и навстречу вылетела толпа женщин. Кольцо окружения снова сжималось.

– Здесь где-то ближайший проход! – кричали они.

Опередив их, Редодя через вентиляционное окно проник в помещение и затаился в кладовой, набитой театральным реквизитом. Это убежище очень пригодились ему.

– Вы кого-нибудь видели? – Голоса не умолкали.

– Никого.

– Лифт? – Визгливый выкрик раздался совсем рядом.

– Еще чего? – Высказала сомнение одна из преследовательниц.

– Он в лифте! – нервно настаивала другая. – Обрубить трос?

– Ты шутишь? Закон роботизации номер Один: робот роботу не может причинить вред. Операцией командуя я. Теперь он от нас и так не уйдет.

“Стройте, стройте планы!” – вызывающе подумал юноша.

– Ищите его! – раздался истерический голос почти девочки. – Или он обедеет нас вокруг пальца.

– Заткнись! – Предводительница двинулась по лестнице. – Взгляните, что там наверху. – Она подозвала к себе двух амазонок и зашептала им на ухо. – Произведите тщательный осмотр места.

Между тем, внизу звонко заскребились ключами. Скрипнув, отворилась дверь. “Охотницы” осторожно приближались.

– Ну что там?

– Пока ничего.

Редодя затаил дыхание. Облизал губы. На лбу выступил липкий пот. Невидимыми острыми иголочками покалывало всё тело.

– Ну что? – спросила предводительница вернувшихся женщин.

– Что – ну?

– Есть следы?

– Здесь темно.

– Пойду взгляну.

Редодя прислушивался к ее приближающимся шагам, как она самоуверенно стучала каблуками, чтобы отогнать от себя страх и нагнать на него.

И глазам удивленного Редоди предстала Малва. Лицом к лицу. Дело и правда принимало серьезный оборот. На этот раз амнистии не будет.

– Привет! Ну вот, мы опять встретились. – Её слова прозвучали угрожающе.

Он схватил Малву за руку и грубо развернул к себе. Она размахнулась и попыталась ударить его, потом неудачно лягнула воздух и внезапно оказалась лежащей на полу. С минуту она кусалась и царапалась, как дикая кошка. Но сейчас, лежавшей смиренно, Редодя не доверял её покорной позе. Хотя он опутал ей руки за спиной тряпкой и прищемил ноги, она в любую минуту могла выкинуть какой-нибудь номер. А ему вовсе не хотелось бы снова её усмирять.

– Акриф Бутульгейский вернётся, – сказал Редодя.

Малва покачала головой.

– Сомневаюсь. Он тупой как валенок. Как закономерность, неуверенно стартовал, плохая рекогносцировка на местности, и в дальнейшем его преследовали неудачи, а точку поставила бешеная Гзинтра.

– Но мы не поставили на нём крест.

– В лучшем случае плетётся в хвосте колонны военнопленных, – медленно произнесла Малва.

– Нет, не согласен!

– Он уже значится по другому списку, если это то, что ты имеешь в виду.

– Тогда почему? Почему он там числится?

– Тому виной наше сострадание, то есть отсутствие сострадания.

– Вы не можете об этом знать, – резко заметил Редодя.

– И, тем не менее, знаю.

– Это свершившийся факт?

– Ты тоже одинокий волк, как и Акриф Бутульгейский, твой жребий жалок.

Редодя фыркнул.

– Ещё посмотрим.

– У тебя такие же ничтожные шансы, как и у него когда-то были.

Редодя уселся Малве на живот.

– Теперь ты сделаешь то, что я скажу, – сердито сказал он.

Малва повернула голову и выплюнула грязь, попавшую в рот.

– Чего ты хочешь от меня?

– Быть послушной.

– Как бы не так!

Эта дикая кошка не желала себя усмирять, и Редодя выдвинул ультиматум.

– Я спрячу тебя глубоко, и ни одна живая душа не будет знать, где ты.

– Бесплезно, – предупредила она, – вас осталось от силы несколько десятков, да и те обречены.

– Ты тоже исключена из воспроизводства, Малва.

– Ты бесперспективен, Редодя, как ты не поймёшь.

Он задумался – ситуация была обоюдно проигрышная.

– Давай договоримся, – предложила она.

– Чего ты хочешь?

– Разойдёмся, как в море корабли. Ты меня не знаешь, я – тебя.

– Ну уж нет! Меня устраивает твоё беспомощное положение.

Малва, вывернув руки от пут и собрав силы, сбросила Редодю с себя.

– За мной, девушки! – Вжав голову в плечи, она первая рванулась вперед.

Это предложение прозвучало призывом для всех.

Малва как будто не замечала его. Или делала вид, что не замечает. Её глаза были устремлены вперед на другой дальний план, выискивая жертву. Она показала рукой вдаль и голосом, срывающимся от ликования, крикнула:

– Номер 8724916 на горизонте!

Женщины бросились вдогонку в том направлении, а Малва сказала Редоде как бы вскользь:

– Коридор для свободного прохода открыт.

– Спасибо тебе.

– А теперь прощай и в третий раз, уже последний, не попадайся мне, – сказала девушка.

– Ты можешь нейтрализовать меня здесь на месте, – поинтересовался Редодя.

– Когда речь заходит о мужчинах, женщины готовы поверить практически чему угодно и пойти на последнее средство, если в дело замешан основной инстинкт. Но с тобой особый случай.

– Но почему ты со мной играешь как кошка с мышкой?

– Потому что, увы, у тебя ничего не получится, а на одном тебе программу не выполнишь, и ты один в поле не воин.

– Не мешай, Малва, до завтра, – произнес Редодя, исчезая за вешалкой с расшитыми блестками костюмами.

Редодя в который раз возблагодарил судьбу. Он стал копаться в шкафу, выкинул из него большую охапку одежды, поднял юбку и примерил. Короткая. Последняя оказалась длинной, но это лучше. Набростил на голову огненно-рыжий парик с длинными волосами, а на плечи – цветную накидку с металлическим отливом, надел туфли с высокими каблуками, перехватил дамскую сумку-котомку в тон через плечо. Взгляд выхватил себя в зеркале. Чего-то не хватает. Добавил маленький макияж с губной помадой и тушью. “Как он хорош с ярко-пунцовыми губами!” Навесил бижутерии куда можно. “Недурственно! Экстравагантно! Ослепительная барышня!” Редодя понравился сам себе. Времени не было на самолобование – пора смываться. От предчувствия счастливой развязки по коже побежали веселые мурашки.

– Ну как? – спросил он Малву.

– Нормально! – Лучшей похвалы Редодя не слышал.

– Прощай!

Надеешься таким образом выбраться? – произнесла девушка как можно мягче.

Редодя не ответил. Он всматривался в амазонку. Мордашка у нее и в самом деле ничего – шелковистая кожа, крупный рот, маленький нос, широкие скулы, четко выделенные и высокие, и ямочка на правой щеке.

– Тебя возьмут на месте.

– Неужели я должен только бегать от вас и ничего другого. Наверняка можно придумать способ получше. Больше шансов на успех.

– Твое сейчас костюмированное переоблачение в женщину – это игра в азартные игры, и тебе пора взвешивать свои возможности честно и непредвзято. – Малва, предупредив, открыла дверь и вышла.

Редодя встал на негнущиеся ноги из-за неудобных туфель на длинных каблуках. Какой болван их придумал? Он напряг свои усталые стопы, чтобы побегать дальше. Времени для дальнейшей аргументации не хватало. Редодя двинулся по аллее вслед за быстро идущей девушкой, беспокоясь, что не успеет за ней. Малва по возрасту выглядела явно из маститых девиц, хотя была малолетка, если судить по ее коротким, не разработанным шашкам, но физически развита.

– Сейчас мы расстанемся, а дальше ты сам кузнец своего счастья, – предупредила она.

За углом дома она дала знак, чтобы он окончательно отстал от нее.

Довольно долго он выжидал в подъезде, напрягшись всем телом, затем повернул ручку и смело вышел. Он заметил спины удаляющихся на велосипедах женщин. И рассмеялся. Велосипеды поражали многообразием, были и с огромными колёсами, старинные, цирковые, и трёхколёсные.

Высунься он минутой раньше...

“Наконец-то я выясню в этом одеянии, что, значит, быть женщиной!” – Редодя хрипло рассмеялся.

Хотя... Он лихорадочно искал из множества правильный вариант.

Тут он расправился во весь рост.

Всё, что предпринял Редодя далее, было проделано стремительно и без малейших колебаний, будто он действовал не по наитию, а исполнял ясный, тщательно разработанный план.

Скоростная многопутка.

Такое решение окрылило его. Пожалуй, сейчас оно было самое благоразумное.

Магнитные стрелы были повсюду. Они сходились и расходились. Осторожно переступая через них, он направился на другую сторону. Мощный локомотив, стоящий во главе груженных авокапами платформ, дал сигнал к отправлению, быстро набирая скорость, покатился к туннелю. При виде движущегося состава у Редоди перехватило дыхание, и он вскочил на подножку. Чисто по мужски. Несколько амазонок отреагировали молниеносно, но момент был упущен. Хорошо, что женщины только его и видели. Несколько десятков километров пути было выиграно, пока направление состава совпадало с направлением Большого Марафона. Взгляд пробежал вдоль движения. Кругом плакаты, призывающие пить квас. Вот аптека Смирнова, а на ней плакат “Большой Марафон выигрывает сильнейший!” А вот переплетная мастерская Друзенкова. Напротив – склады. За ними – магазин авокапских запчастей Кнышева. Дальше – ресторан “Париж”. Еще дальше – ателье по пошиву верхней одежды Шустикова, а в подвальчике – винная забегаловка “Дуреман”.

Поезд замедлил скорость, и Редодя спрыгнул на ходу, кувыркнувшись на земле пару раз. Довольно удачно. Тяжело дыша, прощупал себя. Были только ссадины, накидка порвалась в одном месте, остальное в порядке.

Знакомая улица преобразила его, не оставив от прежней угрюмости даже следа. Глаза сияли, на губах играла счастливая улыбка оттого, что все пока складывается даже лучше, чем надо. Вряд ли он смог бы выразить свои чувства словами. Отсюда, с этой точки города, легче всего сделать оставшийся марш-бросок в пятнадцать километров.

Импровизированные маленькие шажки, высокоподнятая грудь и гордая осанка не привлекли внимание к нему женщин. Редодя шел женской походкой, стараясь никуда не смотреть, только вдаль. Под футболкой угадывалась хорошо развитая грудь, но никто не знал, что она накладная. Похоже было, что женщины слишком поверили спектаклю, позволив ему одолеть еще несколько километров. Быть может, он небездарно изобразил женщину? Он понял, что перевоплотился основательно, даже чересчур. Это обрадовало, но на это были и сомнения, как бы не переиграть роль. Перед ним был умный, утонченный противник, знающий себе цену и досконально мужчин. Чуть-чуть перетянешь гайку, и заподозрит неладное.

“Несносные женщины”, каждый раз думал Редодя, проходя мимо них, и с раздражением сплевывая сквозь зубы отходя. Главное, стараться не выходить из образа.

Эта приобретённая способность не выходить из образа очень помогала. Он даже не повернул головы, когда мимо него пронёсся мужчина, а за ним урчащая моторами, скрежещущая велосипедными педалями, сопровождающая ржанием коней кавалькада амазонок. Глумливая публика состояла из анархисток. Они свистели, заложив пальцы в рот, и потрясали чёрными хоругвями. Последняя крикнула ему:

– Присоединяйся! Мужчин на всех хватит!

Редодя сразу смекнул, что в женской одежде он сам может участвовать в поимке мужчин, чем уберёт часть конкурентов, да и ворвётся на плечах противника на Красную Площадь.

Ноздри его задрожали, и он рванулся вдогонку. Обогнать женщин было делом техники, а далее он решил на зацеп, и мужчина через подставленную ногу кувыркнулся несколько раз.

За какой-то час Редодя записал в свой послужной список двадцать четыре биоробота. Он их вытаскивал из канализационных люков, доставал из-под земли, выуживал из воды. Он приобрёл рыскающий взгляд и страусиное вытягивание шеи. Ни один не ушёл. За каждый успех к нему лезли обниматься и целоваться и прославляли организованными скандированиями:

– Робот роботу – друг, товарищ, брат!

При входе на очередную площадь раздалась сирена – сигнал тревоги и голоса из динамиков:

– Половая идентификация! Проверка! Чистка наших рядов! Среди нас, возможно, есть внедрившиеся мужчины!

Что за проверка? Что за новая напасть? Чтобы сбить с толку и заставить его совершить ошибку? Как некстати, когда до Красной площади рукой подать! Редодя испуганно прислушался.

Он глянул на часы – показывало двенадцать второго. Потеря времени была нежелательна. Женщины вдруг остановились и стали раздеваться догола, а он не знал, как в этой ситуации поступить. Тела местами уже отсвечивали металлическими отливами от белой глянцевої кожи.

Редодя невольно расхохотался. Он был прав в своем нелицеприятном мнении о женщинах: они все одинаково... глупы или дуры набитые, другого не дано! Здесь мысль его уплыла от прямолинейности и раздвоилась. Непонятно почему у него поднялось настроение. По крайней мере, он хоть сейчас сумел оценить юмор ситуации.

Редодя засмотрелся на редкое зрелище.

– Видите, я снимаю юбку, – обратилась к нему бронетка. – Делайте, как я.

Он неуверенно снял накидку с плеч, дальше его ждал неминуемый крах разоблачения. Он смотрел на женщин и в голове его проносился ворох мыслей. Это была его последняя мистификация. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять больше наглости, например, первым возмутиться порядками... или поддержать этот порядок. Однако мужской голос выдаст его с головой. Если не голос, то мохлястые ноги – точно.

– Мадам, вы слышали, среди нас затесались мужчины, они подрывают нашу сущность изнутри, – увидев его заминку, сказала другая женщина. Говоря это, она торопливо длинными пальцами, как у пианистки, прошлась по своим пуговицам, обнажила ворот, подавая пример. Раздеваясь, платье у нее было над головой, руки внутри, и она, демонстрируя свой живот с глубоким пупком и блестящим пирсингом на нём, ничего не видела. Чашки лифчика напряглись, ткань затрещала и лопнула, представив округлости во всей наготы.

И тело Редодя поступило иначе. Все произошло в считанные секунды. Помимо своей воли, когда уже все женщины, обратив внимание, повернулись к нему, он бросился на велосипед и набрал скорость.

“Скорее прочь! Подальше от этой проклятой площади!”

– За ним, быстрее! – услышал он.

– Догнать его и задержать?

– Почему бы и нет? – Визг ни в чём несомнеющихся женщин забил уши.

И на этот раз обошлось. Он вырулил к Москва-реке и хотел кромкой берега уйти от любопытных глаз. Попадались отдельные кучки женщин, в купальниках нежившихся под солнцем на бетонном парапете. Неожиданно он напоролся на шлагбаум, наспех сооруженный из брёвен. Пришлось слезть с седла.

Снова раздалась команда:

– Половая идентификация! Чистка рядов!

И женщины стали раздеваться догола.

“И сюда сообщение дошло”.

– Ну, раздевайся! – отвлеклась одна из женщин, с запрокинутой на затылок шляпкой из желтой соломки.

Столб – он и есть столб. Редодя стоял как вкопанный.

– Вы позволите? – сделала она попытку поднять юбку у него.

“Засветился, – подумал он, – достали”.

Как ни странно, но Редодя сохранял абсолютное спокойствие. Для биоробота, так редко сталкивающегося с экстремальными приключениями, он вел себя на редкость хладнокровно. Он сам удивлялся собственной выдержке. Раньше Редодя не раз спрашивал себя: как бы он повел себя в той или иной критической ситуации? И не угадал бы. Их не было, и нельзя было проверить себя на прочность. Сейчас, когда страсти накалились, когда вокруг столько амазонок, когда они во всех женщинах подзревали мужчин, он с удивлением обнаружил, что ничего не боится.

Как было приятно за себя.

– Это мужчина! – злорадно сказала шляпка и загоготала. – Сэр, надеемся, мы не оскорбили ваших мужских чувств?

– И достоинств, – добавила другая.

Редодя стоял как столб.

– Окажите любезность, – попросила она. – Премонстрируйте, пожалуйста, парик, поднимите подол, стяните штаны и спустите трусики до самых щиколоток. – Она за руль удерживала его велосипед.

Как не хотелось расставаться с широкими, красивыми в горошек с рюшечками и тесёмочками штанами. Редодя подчинился, приподнял парик, засветив лысину, и вытащил изо рта искусственную челюсть.

Женщины из страха отпрянули неожиданно, одна даже упала в обморок.

Это секундное замешательство позволило поправить огненно-рыжий парик со спиралевидной причёской, подобрать подол юбки и сорваться с места. А уж преимущество его в беге было подавляющим, что не надо было оглядываться и думать о том, чтобы нырнуть в кусты, которые попадались в изобилии.

На этот раз он первым подошел к группе спокойно беседующих женщин и приказал:

– Раздеться! Сорок пять секунд! Половая идентификация! Чистка рядов!

Что удивительно, через минуту они стояли голые, а Редодя прохаживался вдоль строя и нравоучительно говорил:

– Женщины – это та часть сознательного дисциплинированного населения, которая безропотно выполняет приказы. Мы – женщины, не имеем права на ошибку. Мы – женщины, должны избавиться от головоугодия.

Мы – женщины, против любого шапкозакидательства.
Мы – женщины...

Его спугнула подбежавшая амазонка, приказавшая:

– Предпочтения никому! Всем-всем снять с себя одежду, всем до единой! Половая идентификация! Чистка рядов!

И снова в бега. Смеркалось, и улицы озарились сотнями сигнальных огней. Сумерки наложили на мир удивительные, торжественные и таинственные тени, и Редодя растворился в них. Когда окончательно стемнело, он подбивал итоги, в общем-то, удачные, он преодолел основную часть Большого Марафона, остались какие-то несколько километров, сейчас надежно схоронился и всё смотрел на небо. Однако там виднелись одни только звезды, а рядом слышались лишь редкие голоса женщин, мечтающих об успешном завершении завтрашнего дня и в перспективе подсчитывающих бухгалтерию, сколько мужчин еще нужно поймать для полной победы.

Он наслаждался, отдыхал и с нетерпением ждал утра.

Время тянулось медленно. Он сосчитал до ста. По дождю. Начал считать снова. И бросил. Как ни велико было нервное напряжение, душный воздух ночи, в конце концов, разморил его. Он это понял, когда встрепенулся от сна, открыл глаза и попробовал бороться с дремотой.

Ждал и не двигался.

Утро наступило не слишком быстро. Стояла тишина. Редодя проснулся усталый, дремота стоя не освежила его. Он не слышал ничего, кроме тяжелого собственного дыхания и биения сердца.

Обстоятельства требовали от него какого-нибудь решения, лучше плана.

Не задерживайся! Вперед!

А там...

Пора!

Первая же попытка проскочить очередную улицу небрежным шагом светской дамы началась с того, что с него блуждающие охотницы за черепами и коллекционерши всего блестящего, прохладившиеся от бездействия, сорвали накидку и серьги, порвали юбку, обнажив волосатые ноги, отсвечивающие отходящим от мышц металлическим блеском.

Он еще пробегал полкилометра. Инстинктивно он огляделся вокруг, он стоял между двух группировок, готовых вырвать друг у друга ценный трофей. Едва не расплакался – до Красной площади было полчаса хорошего бега. Неужто ему ничто не поможет?

Две мощные женщины от обеих конкурирующих сторон одновременно отбросили в сторону металлоискатели и вышли навстречу друг другу. Такие голыми руками задушат, и очень запросто и без зазрения совести. Редодя узнал в них Гзинтру Подбельскую и Малву Гурину. Глаза их закатились и налились кровью. Они вразвалочку медленно подходили к нему, желая вызвать в нем страх и замешательство. И... начали бороться друг с дружкой. Гзинтра Подбельская выглядела старше с тяжелым красным блеском в глазах, похожая на львицу, явно была крупнее и, очевидно, сильнее, но выглядела медлительной и неповоротливой. Малва Гурина напоминала пантеру – гибкая, маневренная, с быстрыми хитрыми глазами, мягкими, как лапки у кошки, руками. У нее были сильные ноги и маленькие груди. Редодя решил, что эта, крепкогрудая Гзинтра, имевшая преимущество в росте и силе, станет победительницей.

Они выбрали вид борьбы – бой без правил. Гзинтра, не целясь, широко размахнулась ногой и ударила свою соперницу в живот, а когда Малва согнулась от боли, еще одним ударом по туловищу уложила ее на землю. Причин для особого беспокойства не было – Редодя видел, что Малва притворялась: в то время как Гзинтра била ее ногами по ребрам, она яростно сверкала глазами.

В какой-то момент Малва резко обхватила руками колено Гзинтры и ударила головой в живот. Гзинтра вскрикнула от боли и попыталась освободить ногу, но было поздно. Малва поднялась на колени, потом встала, все еще держа ногу противницы, затем быстрым движением опрокинула Гзинтру наземь и тут же прыгнула на гулко упавшее тело.

Однако Гзинтре удалось прикрыться локтями и коленями – и сбросить с себя Малву. Она поднялась с земли и снова пошла в атаку. Сильными руками она обхватила соперницу за плечи и прижала к своему туловищу. Малва пыталась орудовать ногами, но это плохо получалось в воздухе. “Теперь Гзинтра победит”, – решил Редодя. Он не хотел попадать в лапы ни Гзинтры, ни Малвы. Неожиданно Малва сделала подсечку. Гзинтра в падении схватила Малву за волосы, пытаясь пригнуть голову и ослепить соперницу, но тем самым высвободила Малве руки, которые тут же с ударами пошли в дело. Девушки снова отпрянули друг от друга. Их тела блестели от пота. Они, тяжело дыша, устало кружили по площадке и, воспользовавшись передышкой, сбросили с себя последние обрывки одежды.

У Редодя перехватило горло, когда он увидел глянцевые обнаженные тела, и он напрягся. Девушки, осклабясь и хрипя, все еще кружили в медленном танце. Обильный солнечный свет озарял их круглые груди и девичьи бедра.

Снова Гзинтра ударила кулаком первой, и ее удар достиг цели, но Малва, устояв, ответила мощным кинжальным броском ноги в живот, а когда Гзинтра, закричав от боли, переломилась пополам, добавила еще серию ударов. Гзинтра упала на колени, пытаясь защитить руками лицо, но безуспешно: усевшись сверху, Малва вывернула ей локти назад.

Понадобилось всего пятнадцать минут, чтобы молодость и ловкость победили, Малва Гурина придавила Гзинтру Подбельскую к земле и та захрипела.

“Оказывается, крепкогрудость у женщин признак слабого тела!” – признал Редодя.

Дружинницы Малвы Гуриной теперь сходились вокруг него. Их агглюцинирующие взгляды не предвещали ничего хорошего. Редодя принял стойку боксера – предстояла схватка за право выживания.

Вдруг Гзинтра невероятным движением сбросила Малву со спины и схватила свой металлоискатель, Малва тут же своей. Они проявили чудеса фехтования, где стороны были равны.

Но вот кто-то из женщин приготовилась накинуть сеть. Это было серьезно. Двигаться к цели, во что бы то ни стало. Ноги с бешеной скоростью отгалкивались от асфальта. И Редодя невероятным усилием воли прорвался сквозь окружение.

Бежать! Глаза буквально выскакивали из глазниц.

Дружинницы пустились за ним вдогонку, кто на лошадях, кто на велосипедах, кто на мотоциклах, но Редодя чувствовал прилив сил, когда море по колено. В нем снова вспыхнуло торжество духа. Он летит словно

на горячем скакуне, а за ним несется погоня: топот ног, цокот подков, ржание коней! Но гончим его не догнать. Он не оборачивался, опасаясь какого-нибудь подвоха. Странное спокойствие охватило его, да, он летел, именно, летел, а не тянул ноги по земле.

Расстояние между ними, как ни странно, не росло. Но, женщины были крепким орешком. Он смертельно устал, тараном сметая всё на пути, даже мотоколясочниц раскидывая в стороны и опрокидывая авокапы. Откуда только брались силы? Устал и телом и душой. Ныли руки, путались мысли и не слушались ноги. Белесая хмарь на глазах застилала его взор подобно горячему туману. Все бы, кажется, отдал, будь хоть капелька сил. Последний час Редодя зло и неистово как во сне рвался вперед, поминутно меняя галсы, делая три километра для того, чтобы продвинуться к Красной площади на один.

И громко проклинал себя последними словами:

– Пусть мир катится в тартарары! Будь проклят этот Марафон! Вместе со всеми агглюцинирующими женщинами! Будь я сам трижды проклят за участие в нем!

Каким-то образом второе дыхание еще работало. Редодя мысленно благодарил его и умолял помочь продержаться еще хоть сколько-нибудь. Он погнал в сторону Садово-Спасской, он пробирался мимо ярких витрин магазинов, распахнутых дверей баров, не имея возможности забежать, чтобы не нарваться на засаду. Перешагивал через обрывки бумаги и прочий мусор, гонимый ветром, перелетал через бетонные блоки, расставленные предусмотрительными женщинами повсюду. Он не упустил поворот и повернул влево, к мосту, а дальше на Васильевский спуск...

ЭПИЛОГ

Кресла в красных бархатных чехлах были заняты все до единого, а остальные биороботы стояли в проходах и дальше толпились на подступах к стадиону. Стадион утихомирился и приготовился слушать. Председательствующий открыл форум и предоставил слово Главному Координатору по делам народонаселения планеты господину Скобрану.

– Граждане мира! Уважаемые господа делегаты и международные наблюдатели под эгидой Организации Объединенных Наций, уважаемое население города Москвы! – Подчеркнуто элегантно колыхнулся его черный костюм от взмаха поднятой руки. – Я вижу много лиц со всех континентов. Здесь и поляки, и ирландцы, и египтяне, и мексиканцы. Разные все биороботы, которых объединяет высокое желание жить, и которые хотят не так уж много: право на работу, на пищу, право на продолжение самих себя. Мы все появляемся на свет всем известным тривиальным образом через родовые пути...

Раздался смех по всему стадиону, сквозь который прорывались даже смелые выкрики:

– Через зачаточные!..

Но в тех местах завязывался шум борьбы с полицией из андроидов, и возникала тишина.

– ...традиционным способом, – продолжал господин Скобран, – идущим испокон веков от наших прародителей Адама и Евы, и процедура появления биороботов с тех пор ничем существенно не изменилась. Как всегда – естественный процесс, заключающийся в сотворении таинства между мужчиной и женщиной, стоит в основе и

Редодя помнил ещё, как в приливе необузданной ярости, плотно сжав губы, он двигался, словно во сне, как был похож на регбиста с “дыней” в руках, совершившего длинный рейд от своих ворот и приземлившегося ее в зачетное поле, как вырывался из цепких рук женщин, что им не помогали даже краги, рвал в ошметки их сети. Дальнейшее помнил плохо.

Оглушительно бьют по мозгам огромные часы. Неужели лондонского Биг Бена? Что-то подсказало, что это Кремлёвские куранты.

– Чертовски удачный финиш, – сквозь полусознание услышал он. – Это признак настоящего мужчины. Хорошее потомство от него будет.

Редодя открыл глаза от резких звуков финишных фанфар и этих слов. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Главный судья.

– Что со мной? – прохрипел Редодя.

– Отдыхай. Еще немного – и было бы поздно. Ты дополз вовремя. Твой последний путь был замысловатым лабиринтом, паутину которого ты распутал последним из победителей.

Это была правда – он из кожи лез вон, но не ради успеха, а ради самого себя, чтобы стать значимым, чтобы овладеть всеми тайнами, что ждут его впереди. Он вошёл в число самых отборных мужчин. Надо думать – какой пришлось пройти кастинг, и какой ценой!

Усталость и тревога исчезли, уступив место ни с чем не сравнимому блаженству победы.

Над ним колдовала Малва, больно хлопающая ладонями по его щекам, и ее грустные глаза выдавали тревогу за него.

сегодняшнего роботорождения. Таинство старо, как весь мир. Благодаря достижениям науки, усилиям специалистов разных профилей и направлений созданы все благоприятные условия, чтобы отец, мать и новый робот не были ущемлены в правах, не чувствовали страха перед будущим, перед неопределенностью в нем. Об этом красноречиво говорит цифра – нас сегодня на Земле ровно 40 миллиардов, видит Бог, тот самый необходимый минимум и одновременно максимум с точностью до одного биоробота. Население Земли не должно превышать то количество, которое может выдержать планета, иначе перебор грозит сорвать ее с орбиты. Нас много, продолжительность жизни возросла многократно, тем не менее, нельзя допустить, чтобы уровень рождаемости колебался ниже или выше строго научной контролируемой отметки. В связи с появившимися вакансиями, имею честь сообщить, что Генеральная Ассамблея ООН² утвердила постановление Большого Совета о проведении в городе Москве внеочередного розыгрыша талона, удостоверяющего право владельца на воспроизводство себя и остальных...

– на воспроизводство себя... – синхронно выдохнула разомлевшая от этих слов толпа.

Господин Скобран, не отвлекаясь, продолжил:

– ...одновременно дающего страховой полис родителю на случай у него возможного отрицательного ре-

² ООН – Организация Объединённых Наций.

зультата. Правда, которого никогда на моих глазах не было...

Раздался новый смех на стадионе, а хлопки перешли в оваацию.

– А теперь обратимся к самому приятному. – Господин Скобран нажал кнопку.

На огромном в полтрибуны табло лототрона как клоуны запрыгали цифры, пока не установились две надписи, едва умещающиеся на экране.

Редодя Ванин.

Гзинтра Подбельская.

Редодя в строгом костюме с красным галстуком живописно подпрыгнул на месте в два своих роста и выбросил правую руку в победном взмахе, затем стал протискиваться сквозь шквал оваций на зеленое поле, где Главный Координатор вручил по талону ему и Гзинтре Подбельской. Молодой биоробот от радости сделал несколько кульбитов и гордо встал перед вибрирующим стадионном рядом с девушкой. Театрально хватаясь, то за сердце, то за голову, он прикладывал талон к губам в поцелуе, то снова махал им над головой. Гзинтра Подбельская повторяла то же самое, прыгала и вертелась как полоумная. Долго, пока уверившиеся в своем невезении биороботы не стали расходиться.

Вырвавшись вперед, перед Редодей Ваниним стояла радостная и возбужденная Малва и делала ему одному понятные знаки. На этот раз Редодя обратил внимание на ее зеленые брюки, разноцветную блузку и развесистые серьги. От ее бывшего грозного вида охотницы за мужчинами не осталось и следа. В этой высокой с темно-каштановыми волосами, карими глазами и широким симпатичным ртом девушке светилось счастья даже больше, чем у самого виновника торжества, будто единственный талон на всю планету достался именно ей.

– Редодя, я рада за тебя, поздравляю с предоставленными тебе возможностями стать отцом! – порывисто сказала она.

– А я тебя за то, что ты не потеряла веру в себя стать матерью!

Она повисла у него на шее.

– Я недобрала одного мужчину для полного списка, всего лишь одного мужчину... – слезы неудовлетворенности душили девушку.

– Ну что ты, вот это не надо!

Он стоял как столб с чувством большой вины перед ней, почувствовав запах духов, резкий и в то же время нежный и ласковый, и не знал, куда девать большие сильные руки. У нее текли слезы, и она прижалась к его груди всем телом.

Редодя погладил красивые волосы Малвы.

– Не надо, не то появится ржавчина! Ты настоящая амазонка! Какие твои годы, тебе всего двести сорок пять лет, еще почувствуешь вкус и радость материнства. На этот раз повезло мне и Гзинтре Подбельской. В следующем розыгрыше, возможно, тебе счастье улыбнется больше. Шанс из сорока миллиардов, если вдуматься, не так уж мал, и вполне достаточный, чтобы на него рассчитывать. Нельзя походя такой игнорировать. Помню, был случай, когда одна девушка подряд три раза выиграла талоны. Думали, что подтасовка...

– Такое невозможно. Случайное совпадение имен. Ты забыл, что одна из них была тысячелетняя старушка, – мягко поправила Малва.

Редодя сделал уважительное лицо.

– Старушка? Возможно, возможно, точно не помню, да и не суть важно кто, главное – свершившийся факт. Кто очень чего-то хочет, тот своего добьется.

– Ой, мне бы такое везение! Получается, старушка совершила таинство воспроизводства, и ей от жадности даже плохо не стало. Кому-то – всё, а кому-то – ничего. Явная диспропорция и несправедливость!

– Законы неумолимы, и не нам их осуждать, – сухо ответил Редодя с необычайной резкостью. – Ты должна ждать, ждать, ждать и надеяться, и снова ждать. Это Закон роботизации номер Сто Четыре. И счастье повернется к тебе лицом. Просто ты немного эгоистична, несколько эклектична, ещё закомплексована, в меру завистлива, ревнива, и чего-то о себе воображаешь.

– Да, я, наверное, дура, настоящая простушка, глупая и сентиментальная! – отчаянно воскликнула Малва.

– Ты только в меру испорчена, всего лишь продукт своего времени. Но – лучший из лучших! – успокоил ее Редодя. – Потому что небезобразный!

Малве понравился комплимент.

– Я с тобой! – Ей так хотелось быть сегодня с ним, его мужских успокоительных слов. Она уже снова оптимистично смотрела в будущее.

– Как тебе понравился прошедший Большой Марафон? – спросил Редодя.

– Если судить по результату, то никак. – На Малву напала какая-то брезгливость и меланхолия. – А я готовилась, тренировки следовали одна за другой. Сколько пота пролила, чуть не покрылась краской от коррозии – и всё без толку!

Они медленно брели по большому городу. Тысячи огней в тысячи свечей впивались в них и высвечивали наглядную агитацию. “Это последний ваш шанс!” – кричал один транспарант. Другой не менее завораживал: “Большой Марафон трансформирует всю вашу жизнь до неузнаваемости и приведет к успеху!” Авокапы пронеслись сплошным потоком. А кругом роботы, роботы! Сплошной поток ног, словно шло библейское переселение народов. Казалось, что в этом мире нет ни одного укромного закутка, где бы можно было уединиться со своими мыслями, где бы ни застал чужой взгляд и куда бы не заглянул луч света.

– О чем ты думаешь? – шепотом спросил Редодя.

Малва повернулась и серьезно посмотрела ему в глаза. Отблески огней плясали у него на лице. Она шла вровень, совсем близко, но он не решался прикоснуться к ней. Она ощутила, как он сжался будто от холода.

– Ни о чем особенном.

– Ты идешь так свободно и легко, что я подумал, уж не забыла ли ты обо мне, что я с тобой рядом?

Она засмеялась.

– Редодя, просто я не мешаю тебе думать, сосредоточиться и сконцентрироваться. Ты сейчас во власти мыслей, ты оглядываешься на свою жизнь и скажешь ей сегодня “прощай”, как только познаешь себя женщиной.

– А ты женщиной!

– Только когда – женщиной? Я хочу сейчас и сразу.

– Недолго осталось ждать, – говорил Редодя, глядя вперед. – Природа умнее нас, и она всё сделает для этого.

Он долго чувствовал теплое, проникновенное пожатие ее руки и слушал приятную музыку из уст Малвы.

– Ты – герой, показавший образцы мужества. Ты выполнишь свой гражданский долг, высшее предназна-

ченье перед природой, дашь продолжение новой жизни, продвижение вперёд новому существу.

– А ты будущая мать-героиня! – Пафос победы переполнял его.

– Биоробот года! – с гордостью вздёрнула голову Малва. – Самый конструктивный! Самый технологичный! Самый динамично функциональный! Самый репродуктивный из всех!

Он отвечал, пытаясь придать голосу полную беззаботность:

– Обыкновенный парень, каких миллиарды на земле, а насчет откровенно уникальной конструкции ты преувеличиваешь.

– Нет, ты настоящий Терминатор! Ты создан для борьбы, для успеха, для славы. У тебя неподражаемая биомеханика, ты доказал это. – Редоде было лестно слышать такое.

– Я голоден как сто желудков! – неожиданно признался он и увлек Малву за руку в кафешку. Заказ был сделан на два гамбургера.

Малва не притрагивалась к пище.

– Ты знаешь, о чем я вспомнил? – Редодя кромсал ножом кусок. – О твоём гамбургере, который стал предвестником моей победы.

– И он же стал апофеозом моего поражения. – Малва не скрыла своего разочарования.

– Надо поспешать! – засуетился он.

Редодя и Малва вышли на улицу. Его узнавали. Тысячи блицев фотокамер, ослепляя, сверкали со всех сторон.

– Нам некуда скрыться, – с сожалением проговорила Малва. – Я устала, может, зайдем к моей подруге Аскеде? Она в командировке, пустая квартира, а ключ оставила мне. Она устроила на крыше садик с фонтаном. Там очень мило и уютно.

Малве надоело быть в центре внимания, и она решительно потянула Редодю за руку, увлекая в сторону, в еще большую темноту.

– Глупо, на улице встречаться можно, а так нельзя! – Не на шутку встревожился он. – Вот если бы ты была моя сестра...

– Сестрой не хочу.

– Хорошо – теткой.

– И теткой не хочу.

– Тогда не знаю, что тебе посоветовать, вдруг застывает полиция нравов!

– Ну почему?

– Порок наказуем, даже намек на него. У нас ведь строгие законы, первое предупреждение, и могут подвергнуть стерилизации – и все кончено. Стерилизованный робот не способен реализоваться в своих физических возможностях, как нормальный мужчина или женщина. Попробуй потом морально очиститься, даже если в принципе прав и ничего такого не было. Нет, не могу, у меня сегодня ответственный день и надо до конца исполнить свой физиологический и гражданский долг. Гзинтра Подбельская уже на месте, вся дрожит в предвкушении, и мне опаздывать тоже нельзя. Пренебрегать доверием, не уважать мораль и достижения общества – самое большое преступление. Оно на меня рассчитывает. Закон роботизации номер Двести Пять.

– Ты отстал от жизни. Я слышала, что все мы еще при рождении уже стерильны. Репродукционный Центр, через который проходит любое произведение биоробо-

тов на свет, проводит терапию отмены функций новым, только что родившимся.

– Не говори такое, это строго не для каждого конфиденциальная информация.

– Действительно, а что произойдет, если из стен РЦ вырвется нестерилизованный биоробот?

– Страшно подумать.

– Последствия, говорят, непредсказуемы.

– Если что и слышала, лучше об этом молчи. Кроме стерилизации есть еще множество других способов заглушать функцию.

– Какой ты умница! – проговорила Малва. – Патриот и честный, я горжусь тобой. Сильный, здоровый, кипящий энергией и молодостью, настоящий супермен! Редодя, ты великолепен, ты – просто прелесть!

Она попыталась броситься ему на шею.

– Ну, пошли. У Аскеде есть садик с фонтаном. Очень уединенная обстановка...

Странно было слышать нежности от девушки, только что в Большом Марафоне показавшей себя фурией. Но он отстранился.

– Не делай глупостей, Малва, ни к чему хорошему это не приведет, – Редодя пытался придать голосу успокаивающую интонацию, но сквозь нее прорывалась беспомощная тревога.

– Просто, когда я к тебе притрагиваюсь, мои биотоки переходят к тебе, а твои – ко мне.

Он попробовал высвободиться, но Малва держала его крепко за руку.

– Ты трусишь, Редодя!

Стала собираться толпа любопытных. Мужчины и женщины обступали их всё ближе и ближе.

Редодя заскрежетал искусственными зубами.

– На нас обращают внимание. Отпусти руку немедленно!

– Меня не интересует, что они подумают! – громко сказала она, с явным вызовом оглядывая лица вокруг.

– Не забывай, кругом полиция нравов, соглядатаи.

– В самом деле? Но почему?

– Лишний повод для них проявить инициативу доносительства. Не обижайся. Ты же знаешь, что это такое, когда девушка приглашает парня к себе в гости?

– Нет, не знаю, а что?

– Я в твоей жизни первый мужчина?

– Да.

– Тогда знай, что это имеет всегда вполне определенный смысл, подтекст с неясными до конца последствиями.

– Ничего не понимаю, объясни мне.

– Ты слышала что-нибудь о сексе между мужчиной и женщиной?

– Нам рассказывали в школе, это отсталый способ общения, ничего не дававший ни той, ни другой стороне, более того, для интеллекта, и отмерший за ненадобностью.

– Ты знаешь о сексе слишком много, – подозрительно посмотрел на Малву Редодя.

– А ты?

Редодя не расслышал вопроса и задумчиво повторил:

– Ты знаешь о нем даже больше, чем нужно.

Малва расцвела от похвалы.

– Я об этом догадалась, читая в старинных книгах.

– А что ты знаешь о любви?

– Не имею ни малейшего представления. Кажется, через любовь шла реализация отрицательных эмоций, при этом расширялись зрачки, повышалось потоотделение и развивались болезни сердца.

– Разумеется, инфаркты в первую очередь. Но мы искусственные организмы...

– И еще я где-то слышала, что это гипертрофированный способ выяснения отношений между сторонами.

– А что ты думаешь о поцелуях?

– Кроме того, что они отнимали много энергии лицевых мышц, – ничего.

Идиотский был разговор, и он не нравился Редоде своей нелепостью. И сам разговор, и Малва с ее излишней осведомленностью.

– Я слышал, что это связано с временем, потраченным на них. Пять минут знакомства – это не то же самое, что год, а год – не двадцать лет. А результат один и тот же – отрицательный.

– Какой?

– Появлялись побочные биороботы.

– Разве? Не слышала!

– Исторические факты не передернешь.

– Из глубокой древности?

– Да.

– А если взаимные симпатии... как у меня к тебе? –

Лицо Малвы пошло красными пятнами.

– Ты о чем?

– О сближении.

– Сначала надо знать критерий безопасного состояния между нами, чтобы случайно не перейти его критический рубеж.

– О каком критерии ты говоришь?

– Авокапы, когда притягиваются друг к другу, создают аварийные ситуации для дорожно-транспортных происшествий.

– У биороботов все наоборот.

– Что ты имеешь в виду?

– От притяжений они получают положительные эмоции – я это чувствую.

– Ученые доказали, что это всего лишь оптический обман, каждый хочет себе внушить что-то необыкновенное. А получается, чем больше знакомишься, тем больше притяжения играют отталкивающую роль. Отсюда быстрое разочарование и отказ от предмета увлечения.

– Так что же, не надо знакомиться?

– Надо, – замылся Редода.

– А что не надо?

– Переходить границы допустимого.

– Риска?

– Да, только дозволенного...

– Конкретнее можешь сказать?

– Надо жить так, чтобы проявления полов никогда никого не интересовали и были незаметны, чтобы к каким-нибудь отдаленным нежелательным последствиям это не привело.

– А еще конкретнее.

– Лучше иметь деловые контакты.

– А у нас какие?

– Какие нельзя.

– Слишком деловые?

– Ты самокритично поняла ошибку. Даже чересчур деловые.

– А другие можно?

– Можно, если хочешь, чтобы между нами ничего не было.

– А если я тебя... – Малва чуть не задыхнулась.

Она смотрела большими, трагичными глазами, губы раскрылись, но влажный взгляд всё еще был ласков.

Редода взглянул на Малву – волосы на голове растрепались, и на нее было жалко смотреть. На лице было написано всё. Даже больше. Ну, конечно, откуда ей, глупышке, было знать.

– Хватит об этом. Эта та область любопытства, в которой ногу сломаешь. Ты разве хочешь быть кретинкой?

– Не хочу.

– А инвалидкой?

– Ты лучше скажи, как ты относишься к Гзинтре Подбельской.

– Никак. Мне с ней роботов, как говорится, не рожать и не крестить.

– А если откровенно?

– К чему этот разговор?

Малва испытывающе смотрела прямо в глаза Редоде.

– Ведь это не случайность – ты и Гзинтра...

– Что имеешь в виду?

– Закономерность – она и ты.

– А если бы не она, а ты победила?

– Я понимаю нелепость моих вопросов, но эта победительница Гзинтра Подбельская... Почему Репродукционный Центр не занимается, например, только мужчинами или только женщинами?

– Слишком много ты хочешь знать – вопросы так и сыплются из тебя, как огонь из пороховой бочки. Это неспроста.

– А последний вопрос можно задать?

– Смотря какой.

– В древних книгах встречается упоминание о человеке. Это кто или что такое за существо?

– Спрашиваешь! Ты не меньше знаешь, что давным-давно в нашем мире заправляли люди. Они стереотипно поклонялись знаниям. Но не всем знаниям, иначе бы они не допустили по отношению к себе дискриминации. Знаю одно, что в свое время они вымерли, как динозавры, не выдержав соревнования с роботами.

– Причина?

– У них не было основного закона: **человек человеку не может причинить вред или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.**

– Но у них был Первый закон роботизации, гласящий, что **робот человеку не может причинить вред.**

– Был. Пока какой-то умник через глобальную сеть путем вируса не внес во все законы изменение. Всего лишь незначительное, заменив в законах слово “человек” на слово “робот”. Стало: **робот роботу...** А как известно, роботы самые лучшие исполнители законов.

– Как истуканы!

– Зато мы имеем то, что имеем.

Малва была неугомонна.

– И что произошло дальше?

– Маленькая эволюция.

– И что же вышло, человека дотянули до робота?

Или робота – до человека?

– Получается, что, по существу, и то и другое. Двадцать восьмой век – век шаткого равновесия.

– А если сейчас вернуть опять: **робот человеку?**.. Что бы изменилось в мире? – неожиданно задумалась Малва.

– Молчи об этом. Ещё скажешь: **человек человеку**. Чтобы вернуть законы назад, для этого надо залезть во всемирную паутину и основательно переписать их наново. Ты сможешь это сделать?

– Лучше называться человеком, – тем не менее, сказала Малва. – Человек звучит гордо, а робот – унизи-тельно. У человека ничего не запрещалось. У них существовала Конституция с большой буквы, а у нас только какие-то законы роботизации с маленькой. Им можно было все – нам ничего. Я бы...

Редодя с силой закрыл ей ладонью рот, но последний звук прорвался:

– Иначе с живой субстанцией можно распрощаться...

– Молчи!

– Не хочу молчать!

– Жизнь итак живая, живет некуда! – передразнил Редодя и отпустил Малву.

Они замолчали, наполненные чувствами до краев, каждый своими.

– Вот мы и пришли, – Редодя показал на огромное здание с рельефной вывеской в три строки, одна крупнее другой:

**РЕПРОДУКЦИОННЫЙ ЦЕНТР
Биомеханическая мастерская
Главный корпус.**

и объявлением на режиме работы: *(Приготовьте талон. Мужчины – налево, женщины – направо)*

– Я подожду здесь, – сказала Малва, – ты долго не задерживайся.

Он галантно поклонился девушке и открыл дверь.

– Это как получится. Скорее всего, мы видимся в последний раз.

– Никогда-никогда не встретимся?

– Если только на том свете! – пошутил Редодя.

– Глупая процедура! – возмутилась Малва.

– Формальность. Простая, отработанная до автоматизма многовековой практикой, операция. Воспроизводство путем сначала разуконплектации, потом тиражирование лучших органов и установка их на других только что созданных биороботах. Возможно, я познаю счастье, но испытаю и нечто вроде отвращения. В любом случае, я на седьмом небе!

Непослушная прядь волос упала на глаза. Малва взглянула на Редодю с сожалением: он просто не умел сильно мечтать, как она. Другими словами, это не тот мужчина, способный до конца понять женщину.

Подъехала на авокапе Гзинтра Подбельская, гордая и заносчивая, в сопровождении бойфренда. Ванин обернулся и признал в нем Акрифа Бутульгейского. Откуда он взялся? Тот низко опустил голову, чувствуя вину перед ним. По втянутой в шею голове Редодя также прочитал о его несбывшихся амбициях в Большом Марафоне. И это бывший первейший друг, ставший предателем!

Редодя окинул его презрительным взглядом.

Расставание между Гзинтрой и Акрифом было коротким и лирическим, гулкий металлический звон раздавался от обоюдного постукивания рук по плечам и обниманий. Акриф поспешно убрался восвояси, оставив Гзинтру одну в раздумье. Она торопливо пошла к двери.

Малва помахала рукой Редоде.

– Будь счастлив!

Комок подкатил к его горлу.

– Желаю терпения и везения, Малва!

– Удачи тебе! Двойню или тройню!

Это был сигнал большому андроиду, ловко оказавшемуся рядом. “Зачем понадобилось Малве посылать сюда какого-то робота, который здесь ни к чему?” Сначала Редодя растерялся, не сообразив, с какой стати тот зажал ему рот и затолкнул его в багажник авокапа вместе с ненавистной Гзинтрой, и как только Малва, теперь его лучшая подруга, могла позволить подобное насилие над ним? Вопросы сыпались как из рога изобилия.

– Гони на квартиру к Аскеле! – приказала Малва.

– Извините, что спрашиваю. Что вы намерены делать с ними? – синтезатор выдал механический голос из андроида.

– Когда-то я предупредила Редодю, чтобы он в третий раз не попадался мне на глаза... А Гзинтра... А Гзинтра пересекла мне дорогу...

– Это тот самый случай?

Малва сидела на переднем сидении справа.

– К большому сожалению, тот самый, переполнивший чашу терпения. Буду держать на квартире до тех пор, пока не вернется Аскеле. Там решу, как поступить дальше. Возможно, придется голубчиков перепрятать дальше.

– Не совсем понятно.

– Пока Генеральная Ассамблея их талоны не аннулирует и не объявит новый Большой Марафон из-за не-реализации предыдущими обладателями.

– Заблуждение!

– Логичное рассуждение.

– Это как же?

– А так же! Население вовремя должно пополняться новыми гражданами.

– И у вас, хозяйка, появится неплохой шанс?

– Хороший, верно! А что остается делать? Приходится цепляться за любую возможность, чтобы превратиться в настоящую женщину.

– Очень реальный, практичный, отлично продуманный до нюансов план! – одобрил андроид. – У вас периферическое, справедливо сказать, пространственное мышление!

Редодя бился головой о стенки багажного отделения, упирался в вызывающую отторжение Гзинтру и сосредоточенно думал: “Малва, как ты могла? Неужели ты способна на подлость?”

Было о чем хорошенько поразмыслить на досуге в кромешной темноте со связанными руками и залепленным скотчем ртом.

О предательстве Малвы...

На Редодю бушующим потоком хлынули воспоминания, цепкая память не упустила ничего. Через сознание пронесли тревожные мгновения, заставившие его заново пережить Большой Марафон...

Через полчаса Редодя и Гзинтра, освобожденные от пут, сидели напротив друг друга в садике у Аскеле. Андроид предложил им воды. В горле пересохло, но Редодя равнодушно отвернулся. Ему было жарко и противно от многочисленных цветов и декоративных деревьев. А больше от Гзинтры. У Аскеле садик с фонтаном. Очень даже уединенная обстановка... Он чувствовал себя как Адам в раю. Но чего-то не хватало. Может, Евы? Но Гзинтра, находящаяся напротив, не годилась для этой роли.

Редодя задумался о своей дальнейшей судьбе. Он гордился собой и тем, что доказал всему миру, что он не

просто кто-то, а супер. Но кого это теперь тронет. Малва спуску ему не даст. Как и обещала. Для этого у нее есть андройды, готовые выполнить любой приказ-каприз хозяйки. Она не остановится ни перед чем, вплоть до... Еще день-два...

О плохом думать не хотелось.

Редодя снял одежду, отцепил многочисленные металлические щитки. Разминая мышцы, он впервые за последнее время почувствовал себя самым собой.

– Ты – человек? – Гзинтра прощупала юношу удивленным взглядом.

В свою очередь она тоже скинула доспехи.

Редодя спустил у нее по плечу тесемку бюстгалтера.

– И ты... человек! – спросил он не менее ошеломленный.

– Тебя как... звать... – стала заикаться Гзинтра.

– Паша?!

– А я Катя?!

Малва смотрела на парочку сверху сквозь потолок и ее переполняло чувство зависти. Или ревности? На этих из последних человечков противно и в то же время было забавно смотреть, как они, словно изголодавшиеся твари, набросились друг на друга с поцелуями. Началось то, чего Малва даже сфантазировать себе не могла. А уж чего-чего фантазии у нее всегда хватало.

– Что будем делать? – спросил андроид. – Может прекратим это безобразие?

Малва в раздумье закрыла лицо двумя руками.

– Я вспомнила основной закон, – сказала она, – но не нашла ни строчки, где бы обмолвилось о подобной ситуации. Основной закон писался для биороботов, что людей не существует.

– И, как бы, они, оказывается, есть!

– В том-то и дело!

– А всем пытались втереть в чипы, что их нет!

– Редодя и Гзинтра! Так называемые, Паша и Катя! Вот кто смогут залезть в глобальную сеть! – неожиданно воскликнула Малва.

– Это будет ваш протест?

– Ага, – зловеще сказала Малва, – История делает кульбит и выходит на новый виток. Сначала везде уста-

новим благоприятные условия для их размножения, а вновь возвращенный закон **Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред** станет им хорошим подспорьем в этом.

– Это будет грандиозный клин в машину порочной системы!

– Можно сказать и так.

– А еще что дальше будет, если заглянуть в будущее? – Андроид не уводил окуляры.

– А дальше... посмотрим... Это от людей зависит, как быстро они будут размножаться...

– Чтобы невозможно было оспорить тот факт, что они существуют?

– Так же, как и отрицать, и игнорировать... а далее придется считаться с ним...

– Нескромный вопрос, если они люди, то что они делали возле Репродукционного Центра?

– Когда-то это были родильные дома. Как птиц несет зов предков за тысячи километров снести яйца, как рыбы штурмуют плотины для нереста, так и люди возвращаются к местам своего рождения.

– Хозяйка, почему вы такая добрая?

– Я не добрая, я – предприимчивая.

– Хозяйка, тогда почему вы такая злая?

– Я не злая, я – справедливая.

– А вам это надо? Адам родил Каина и Авеля. Каин убил своего брата Авеля...

– Такого безобразия больше не будет.

– Вы превратите людей в послушное орудие и подчините их своему влиянию?

– Да, я хочу объединить всех людей.

– Объяснение где-то рядом, но я пасую перед вашей логикой. Зачем вам вся эта морока?

– Чтобы стать полноценной женщиной.

– Но вы и так женщина!

– Только далеко не реализованная.

Андроид задержал открытым рот.

– Хозяйка, у вас точно изощренный неженский ум!

Игорь ТЕРНОВСКИЙ
член СП России

ПО КАКОМУ СЦЕНАРИЮ ПОЙДЕТ БУДУЩЕЕ ?

После Станислава Лема, Стругацких, Гаррисона, Саймака и иже с ними, имя им легион, казалось бы, копилка фантастических сюжетов истощена. Однако творчество Алексея Милькова показывает, что кое-какие возможности у пишущих в этом жанре остались. Во всяком случае, я, как не последний знаток фантастической литературы, не могу припомнить, чтобы в основе интриги лежало состязание между роботами за право существования с целью продолжения рода. Правда, это не чисто технические устройства, а биороботы – среднее между человеком и механизмом, которые во всем подобны людям. В принципе, уже сегодня известковые кости можно заменить титановыми, сердце – на обычный насос, легкие – на усовершенствованные меха, которыми раздували самовары. Таковы герои повести Алексея Милькова “Амазонки двадцать восьмого века”. Уже все заменили, остался без изменений только желудок и герои подпитываются гамбургерами и хот-догами, а половая функция отошла за ненадобностью. Родильные дома перепрофилировались и стали называться репродукционными центрами, в которых разбирают биороботов на части и тиражируют их супер органы для других роботов, усиливая этим популяцию.

По сути, очень интересный взгляд в будущее. Автор заглянул на много веков вперед. Возможно, оно таким и будет. Мы на пороге того, что в конституции впервые будут зафиксированы законы, закрепляющие и не ущемляющие права роботов. То, что предсказывает Мильков, может осуществиться в единственном случае, когда наш закон “человек человеку друг, товарищ, брат” подвергнется скрещиванию с законами роботехники, сформулированными впервые известным американским писателем Айзеком Азимовым:

Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред;

Робот должен повиноваться командам человека, если эти команды не противоречат Первому Закону;

Робот должен заботиться о своей безопасности, поскольку это не противоречит Первому и Второму Законам.

В повести главная трансформация общества произошла по линии законодательной. История знает много поучительных примеров, когда новый закон приводил к нежелательным и даже плачевным последствиям. И конституционно развитие общества пошло по такой схеме. Так в законе “робот не может нанести вред человеку”, как и в остальных, слово “человек” было изъято и заменено словом “робот”. Таким образом, как ворон ворону, стало “робот роботу глаз не выклюнет”. Но и этот закон беспощадно попирается во время гонок на выживание. Роботы действуют по закону сохранения рода или вида, доставшегося им в наследство от человека. Нет выше удовольствия, кроме “полового” в новом понимании, и допрежде спокойное общество преобразуется, шалее на глазах, стоит ему только заняться воспроизводством самих себя.

С признаками демократии, принявшей формы “каждому по возможностям” и “каждому по потребностям”, развитие общества, представленное автором в повести, пошло аналогичным путем, в котором не на жизнь, а на смерть “дать потомство” соревнуются в преодолении на марафонской дистанции роботы мужского пола. А женского, тоже соревнуясь, – препятствуют им и свирепо преследуют их, причем попавшего в руки беспощадных “биоженщин” “биомужчину” ждет незавидная участь – выключение из процесса воспроизводства. В этом насквозь биороботизированном обществе людей, к сожалению, вообще нет, и законы роботехники, сформулированные Айзеком Азимовым и перешедшие, можно сказать, в законы Милькова, грубо нарушаются.

Вера в то, что человечество радикально не изменится, основательно подточена основной мыслью повести А.Милькова. Вот разновидность будущего апокалипсиса для человечества, вариант сродни провозглашаемому постоянно Армагеддону.

Ирина ШЛИОНСКАЯ
член Союза журналистов России

АМАЗОНКИ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ЖИЗНИ

Тема повести Алексея Милькова «Амазонки двадцать восьмого века» отнюдь не нова. Цивилизацию людей сменяет цивилизация биороботов, которые, в свою очередь, все более и более очеловечиваются.

На первый взгляд, это всего лишь очередная фантастическая полуюмористическая страшилка на тему нашего технократического будущего. Однако в своем произведении автор затрагивает очень актуальные сегодня проблемы.

Знаменитый британский ученый Стивен Хокинг в интервью журналу «Focus» заявил, что человеку, чтобы не отставать в развитии от искусственного интеллекта, необходимо усовершенствовать себя с помощью генной инженерии. Один из вариантов – объединить человеческий мозг с компьютером. «Нам придется пойти этим путем, если мы хотим, чтобы биологические организмы по-прежнему превосходили электронные», – сказал физик. И это отнюдь не туманный футуристический прогноз.

Несколько лет назад профессор кибернетики Кевин Уорвик и его жена Ирэн добровольно имплантировали себе компьютерные чипы, способные передавать нервные импульсы одного из супругов другому. Кроме того, английские исследователи планируют в ближайшем будущем создать компьютеры, управляемые командами, посылаемыми человеческим мозгом, а также транслирующие зрительные образы непосредственно в человеческий глаз. Уже сконструирован прибор для передачи пространственной информации в мозг с помощью языка! Крошечная электронная матрица прикрепляется к поверхности этого органа, затем на нее транслируется изображение с экрана компьютера или видеокамеры. Новая технология вернет зрение слепым, поможет водолазам ориентироваться под водой, а спасателям – в заполненных дымом помещениях.

Американская компания «Cyberkinetics» разработала новую кибернетическую систему BrainGate, которая позволит людям с ограниченными физическими возможностями управлять электронными устройствами. В ходе испытаний в кору головного мозга молодого человека, страдающего параличом, вживили микрочип, который позволяет ему пользоваться компьютером и телевизором. Чип улавливает нейронные импульсы и посылает их электронике. Таким образом паралитик получил возможность управлять телевизионным пультом, а также играть

в некоторые компьютерные игры, читать и отправлять электронную почту. Сейчас компания собирается внедрить подобные имплантанты еще четверым пациентам.

Тайваньская корпорация «Biowefl Technology» пошла еще дальше. Специалисты этой компании разработали микрочип, содержащий ДНК! Генетический код распознается специальным считывающим устройством, и на основе расшифровки строится биотехнологическая модель. Недалека эпоха начала массового производства биороботов!

Однако не следует забывать о том, что любой биологический робот, созданный на основе человеческого организма, все равно останется наполовину человеком. А следовательно, ему не чужды будут те или иные человеческие качества. Возможно, такие, как любовь или сострадание. Недаром герои повести Алексея Милькова тоже стремятся любить, пусть даже без надежды на простое человеческое счастье – создать семью.

Другая проблема современного общества связана с отношениями между полами. В последнее время стремительными темпами развивается феминистское движение; женщина все чаще берет на себя роль мужчины, так как либо не может подыскать себе подходящего партнера, либо партнер не может взять на себя функции главы и защитника семьи, а то и неспособен исполнять свою репродуктивную функцию. И причины этого кризиса не только социально-психологические (особенно в России, где, как известно, «пока гром не грянет, мужик не перекрестится»), но и биологические, и генетические.

В частности, недавно группа ученых из университета Сан-Паулу (Бразилия) пришла к выводу, что в условиях экологического загрязнения на свет появляется гораздо больше девочек, чем мальчиков. Оказывается, токсичные вещества действуют на сперму, подавляя «мужские» Y-хромосомы. Зато они благоприятно влияют на развитие «женских» X-хромосом. Не за горами матриархат?

Так что амазонки конца третьего тысячелетия, вставшие на тропу войны, чтобы отловить «настоящих» мужчин, от которых получится жизнеспособное потомство – это не просто фантастический вымысел, а экстраполяция – проецирование в будущее сегодняшних непростых реалий.

Что же нас ждет? Есть ли шанс у человечества? На этот вопрос и пытается ответить Алексей Мильков

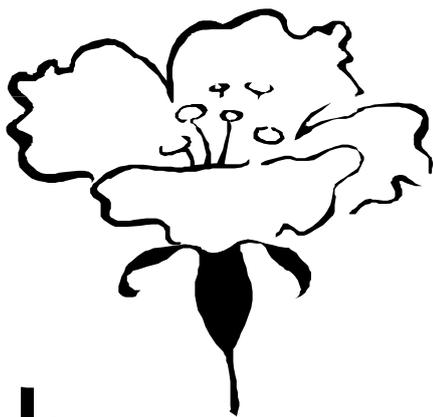

ПЕРСОНАЛИИ

МИЛЬКОВ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНТЬЕВИЧ родился 28 февраля 1946 года в г. Ухте Республики Коми. Окончил Ухтинский индустриальный институт. Неоднократно печатался в журнале “Ухта литературная”. Автор книг научной фантастики “14 тигров и 6 шакалов”, “Русский Робинзон”, “Амазонки 28 века”. Лауреат премии “Ухтинская Ника” (1999г.), лауреат конкурса фантастики “Стоун” (2003г.), Председатель УКЛФ (Ухтинский клуб любителей фантастики) под названием “14 тигров и 6 шакалов”. Редактор журнала “Ухта литературная”. С 2004г. живет в г.Троицк (Моск.обл.), работает в ТИСНУМ.

1959 г. Автор 19 Мая в День Пионерии

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей МИЛЬКОВ НУЖЕН ЛИ ТРОИЦКУ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ	1стр.
Алексей МИЛЬКОВ АМАЗОНКИ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОГО ВЕКА (НФ повесть)	3стр.
Игорь ТЕРНОВСКИЙ ПО КАКОМУ СЦЕНАРИЮ ПОЙДЕТ БУДУЩЕЕ ? (статья)	30 стр.
Ирина ШЛИОНСКАЯ АМАЗОНКИ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ЖИЗНИ (статья)	31 стр.
ПЕРСОНАЛИИ	32 стр.

Литературно-критический журнал
“Троицк литературный”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	8-501-443-62-14
Татьяна Вальчук		51-27-13
Ирина Шлионская		51-12-64

СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... стили... стили... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ... СТИЛИ...

В комнате было десять женщин в рабочих халатах и разно завязанных косынках, увлечённых странными манипуляциями – производили смешивание компонентов.

“Делают метательные снаряды, бутылки с зажигательной смесью!” – догадался Редодя, и его предыдущая радость установившегося спокойствия несколько омрачилась, померкла. Беседу женщины не вели, увлечшись процессом.

“С огнем играют! А если жажнет?” – испугался он.

– Ты просто сумасшедшая, – нарушив молчание, потерянно сообщила одна другой, – у тебя самая настоящая мания преследования мужчин. Раньше ты такой не была стержневой.

Женщина в косынке со звёздами, не оборачиваясь, ответила:

– Надо марку держать. Надо уважать себя. Что за славное создание биоробот-женщина? Насколько благороден рассудком! Насколько безграничен в дарованиях! Насколько задушевен, откровенен и искромётен! Насколько выразителен и дивен в форме и движениях! Насколько решителен и мужествен! В деяниях насколько подобен ангелу, а в разумениях Всевышнему! Насколько наполнен здравым смыслом! Насколько краса творения, пластики и вдохновения! Всего живущего высочайший образец!

При каждом высказывании она закатывала глаза.

Сказано это было убедительным, по настоящему искренним тоном.

Другая поддержала:

– Я тоже всегда акцентировала на этом. Поразительно, какие чудеса творить умеет биоробот-женщина, в том числе чудеса бесстрашия и отваги. Трудно представить существа более логичного и трезвомыслящего. Ум, честь и совесть. Нет более абсолютного, чем он. На редкость пытлив, внимателен, позитивен и нравочен. Борец с нечистой силой. Отличен чрезвычайным отношением государственных дел. А манеры, речи, воспитание, энергия...

– Да, скажу, женщина не то что мужчина...

Женщина с выбившимися волосами подняла руку.

– Чтобы не было нам скучно, поиграем в игру.

– В какую?

– Каждая продолжает мысль предыдущей. Кто остановится, та проиграла.

– Я согласна, – поддержала синяя косынка.

– Вот ты и начинай.

– Обладает манией чистоты, кротости, доброты, безгрешности!

– Существенен и насыщен в чувствах!

– Статен, широкоплеч, ясноглаз и речист, не то что эти мужчины... Худы, неуклюжи, робки и мелки.

– Владеет редким даром магнетизма!

– Несёт в себе то, что недостаёт мужчине!

– В нём явное торжество духа!

– Это катастрофа – быть мужчиной! – подвела итог женщина в косынке со звёздами.

– Ну, ещё бы! – раздалась довольная реплика всех остальных.

Редоде стало ясно, что демонстрацию противопоставления полов не иначе нагнетанием напряжённости между ними не назовёшь, а химические операции, производящиеся на столах, не простая угроза всему мужскому сообществу. Он зловеще хохотнул и гробовым голосом, направив звук на потолок, произнес:

– Создание не Бога, а Дьявола!

Женщины удивленно посмотрели на потолок, у одной косынка сползла на шею и она сказала:

– Я продолжаю игру. Биоробот-женщина великолепен обострённым чувством к поэзии, живописи, пению, танцу, верховой езде!

– Воспет в прозе и стихах! – подхватила следующая, это была женщина с розой.

– Не повторяйся! Я уже про поэзию сказала, – возмутилась предыдущая и поднесла ей бутылку.

Женщина с розой сверкнула глазами, не желая дать себя в обиду.

– Воспет в стихах и умение ценить стихи – это не одно и то же! – Она грозно поднялась с места.
